

Внеклассная работа

Борис Батыршин

Борис Борисович Батыршин

Внеклассная работа

Серия «Коптский крест»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282345

Внеклассная работа:

Аннотация

Современные московские школьники Сёмка Воскресенский и Света Ларина, приоткрыв загадочную дверь, оказываются в 1904 году, в осаждённом Порт-Артуре. Попав в самое горнило русско-японской войны, они пытаются уцелеть под обстрелом тяжёлых орудий, принимают участие в спасении адмирала Макарова, попадают в руки жандармов. Ребята находят новых надёжных друзей и знакомятся с теми, о ком лишь читали в романах. Что это такое – необычное приключение или вступительный экзамен в лицей хронопутешественников?

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	16
III	25
IV	40
V	49
VI	59
VII	76
VIII	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Борис Батыршин

Внеклассная работа

©Борис Батыршин

Часть первая

Чужой февраль

I

– Так, дети, ещё раз последнюю сцену! Сёма, Лёша, по местам! Как девочки закончат диалог – вступаете вы. И не прозевайте, как в прошлый раз!

Мальчик тяжело вздохнул и поплёлся на своё место. Ему нравилось играть в театре, но сколько можно прогонять один и тот же эпизод! Тем более такая пьеса...

Школьный английский театр ставил «Чарли и шоколадную фабрику». Выбора Сёмка не одобрял – неужели мало пьес и книг, чтобы брать эту голливудскую лабуду? Вон в прошлом году ставили «Робин Гуда»... И, к тому же, скажите на милость, кому в восьмом классе интересна эта конфетная история? А он предлагал кое-что получше: рассказ О'Генри про мошенника, который разводит «продвинутого» фермера, – он сразу отбивает охоту смотреть всякие «Магазины на диване»! Увы, не поняли. Вот и приходится изображать «шоколадного короля»...

Сёмка, как мог, отбивался от этой чести. Но всё зря – высокий, стройный, с неизменно насмешливым выражением

ем лица, он как нельзя лучше вписался в экранный образ. Цилиндр и фрак из проката завершили трансформацию – оставалось лишь саркастически ухмыляться, приправляя реплики капелькой яда. Людмила Ивановна качала головой, хмурилась, но молчала: хватало возни с другими исполнителями, не столь артистичными. – Воскресенский! Проснись! Твоя реплика! Сёмка вздрогнул. – Да, Людмилванна, простите, сейчас...

Англичанка – она классная. Пожилая, сухонькая, она в свои шесть с лишним десятков сохранила юношескую порывистость. «Шестидесятница» – говорит про неё дядя Витя. Это мамин друг; отец Сёмки давным-давно живёт в другом городе, а дядя Витя одинаково охотно обсуждает и обновления к онлайн-играм, и новости политики, до которых Сёмка с недавних пор сделался большим охотником. Дядя Витя и в школу заходит – это он помог соорудить декорации для спектакля. А в прошлом году притащил для «Робин Гуда» охапку луков, настоящих железных кольчуг, шлемов и упорительно тяжёлых мечей и кинжалов.

Школа у них замечательная. Старое, довоенной постройки здание; красный фасад, украшенный алебастровыми медальонами с профилями Менделеева, Ломоносова и других светил. Высоченные потолки, на полу – тёмный, старинный – сразу видно! – дубовый паркет. Диван с кожаными валиками и резной спинкой, стоящий в учительской бог знает с каких времён. И неповторимый, сладковатый аромат: Татьяна

Леонидовна, классная руководительница восьмого «В», рассказывала, что раньше полы в их школе натирали настоящим воском. И запах никак не выветрится, хотя с тех пор прошло лет семьдесят. Из-за этих полов учителя особо свирепствовали по поводу сменной обуви. Когда-то это раздражало Сёмку: до дома две минуты бегом, а тут переобувайся каждый раз! Потом привык – полы слыли предметом всеобщей гордости, а Сёмка, конечно, был патриотом родной школы.

– Всё, перерыв, – англичанка устало махнула рукой. – Лямова, Овчинникова, неужели трудно выучить, наконец, текст? Через неделю премьеры, а вы...

Из-за двери актового зала слышалась бархатная мелодия – закончился четвёртый урок. Раньше в школе звонок был дребезжащим, металлическим, пронзительным. Теперь не то – каждую неделю выбирается новая мелодия, оповещающая о начале и окончании занятий. Сёмка назло поставил на телефон старомодный сигнал – звонкий, задорный, как на старых телефонах с наборным диском. Дома, в коридоре, висит такой – в белом пластиковом корпусе. Мать наотрез отказывается менять его на современный. Дисконный старичок служит теперь элементом интерьера – Сёмка не помнил, когда последний раз пользовался этим раритетом. Звук аппарата ему нравился, к тому же он разительно отличался от попсы в мобилах одноклассников.

– Все свободны, до завтра! – Людмила Ивановна поверх очков взглянула на «актёров». Те, сгрудившись на краю сце-

ны, преданно смотрели на неё: англичанку в школе любили, загонять палкой в английский театр никого не приходилось. – И, прошу вас, выучите, наконец, слова!

С облегчением выдохнув: «До свиданья, Людмилванна!» – все кинулись к своим рюкзачкам. От перемены осталось минут десять – англичанка сняла их на репетицию только с одного урока. Сегодня прогон был «костюмным»; девочки, хихикая, забились в тесную каптёрку за сценой, а мальчики принялись стаскивать нелепые цветные пиджаки прямо в зале.

– Сём, напхни – что сейчас по расписанию?

Это Балевский, одноклассник. Сосед по парте и приятель, в основном на почве онлайн-шутеров.

– История. Сегодня презентация про этот... Порт-Артур, да! Старшеклассники делают – типа юбилей войны с японцами.

Балевский наморщил лоб.

– Порт-Артур? Это чё, про американцев? Авианосцы, крутые камикадзе?

Недавно приятели посмотрели дома у Сёмки «Пёрл-Харбор» и «Тонкую красную линию» – в основном ради кроваво-натуралистических боевых сцен. Увы, из четырёх рекомендованных книг Сёмка наскоро пролистал лишь одну.

– А кто его знает. – пожал плечами мальчик. – Но вряд ли – с чего это нам отмечать штатовские юбилеи?

– Ладно, я побежал, – невпопад ответил Балевский, заки-

дывая на плечо рюкзак. – Может, успею ещё в буфет...

Оставалось спрятать фрак и цилиндр – не таскать же с собой целых два урока? Пришлось всю перемену торчать в актовом зале: девчонки, как всегда, копались, и с негодованием отвергли предложение приоткрыть дверь, чтобы принять у Сёмки пакет. Но вот наконец смешливой стайкой пропорхнули мимо, оставив мальчику пустую каптёрку.

Сёмка вошёл. Справа, до потолка – шкаф с реквизитом; вдоль стен стулья, на спинке одного белеет футболка с мультяшной зверушкой. Это Светки Лариной – она играет в пьесе одну из девчонок-экскурсанток. Светка появилась в их классе с прошлой четверти: её родители перебрались в Москву с Сахалина.

Сёмка подумал, что надо бы вернуть вещь хозяйке; но стоило взять футболку, как его ноздрей коснулся лёгкий аромат то ли духов, то ли дезодоранта и ещё чего-то, незнакомого, сладкого. Мальчика будто током ударило, он поспешно бросил тряпочку на стул. Вдруг войдёт кто-нибудь – а он, как извращенец, нюхает девчачью майку!

Светка Ларина нравилась Сёмке – неделю назад он даже решил проводить её до дома и поднести рюкзак. Поскорее, чтобы не было соблазна, мальчик отвернулся от стула со скомканной футболкой. Надо торопиться: вот-вот гомон школьных коридоров прорежет трель звонка.

Внизу что-то брякнуло. Сёмка наклонился. Возле ножки стула валялся большой ключ.

Такие он видел разве что на винтажных развалах Вернисажа, куда они как-то ездили с дядей Витей. Массивный, со сложной гребенчатой бородкой... Бронзовый? Пожалуй – для латуни слишком глубокий оттенок, а благородная тяжесть отмечает версию о напылении поверх дешёвого сплава. Может, кто-то принёс для спектакля? Нет, в сценарии ключей не было...

Ничего, старый ключ – это не футболка. Его лучше прибрать, хозяин точно сыщется.

Уже первый звонок! Что-то он завозился, историчка Татьяна Георгиевна наверняка посмотрит с упрёком. К Сёмке она благоволит, хотя и поругивает порой за вольное отношение к программе. «У тебя, Воскресенский, язык хорошо подвешен, ты за счёт одного этого можешь ответить на любой вопрос. Но на ЕГЭ это не поможет!»

Это мы ещё посмотрим – поможет или нет! И кто сказал, что он собирается брать для ЕГЭ историю? Физика с химией – дело другое. Сёмка видел своё будущее в технике. Даже скачал на планшет старые подборки журнала «Техника – молодёжи», и теперь изучал серию статей по истории техники. Сёмка, в отличие от многих своих сверстников, обожал ползучее, плюющееся дымом железо.

Недавно они с мамой были в железнодорожном музее, и там Сёмка, вдоволь полазил по «овечке» – паровозу серии «О» дореволюционной ещё постройки. К сожалению, рубка локомотива была задраена фанерными щитами – а так хоте-

лось покрутить штурвалы парового котла, подёргать рычаги управления ретро-механики! Это вам не стеклянная блямба айпада! В тот день Сёмка твёрдо решил связать жизнь с железными дорогами. Решение продержалось два месяца, пока дядя Витя не отвёз его к своему старому приятелю, подмосковному фермеру. Там Сёмке дали посидеть за рычагами почти старого, почти антикварного гусеничного трактора. Вот это была мощь – руки до сих пор помнили упоительную дрожь рычагов и скрежет фрикционов.

Интервал между звонками – минуты две; кабинет истории располагался сразу за рекреационным залом, заставленным по периметру стеклянными шкафами с вымпелами и грамотами. Стены коридора увешаны яркими постерами с портретами русских полководцев и ютательными картинами. От угла до двери кабинета их было три: Пётр Первый, вышагивающий вдоль ряда галер, портрет маршала Рокоссовского и черно-белый фотоплакат с панорамой морской бухты, уставленной военными кораблями. И надпись дореволюционной вязью – «*Порт-Артуръ*».

Сёмка чуть не споткнулся на бегу. И было с чего!

Рядом с плакатом, возле двери кабинета истории ни к селу ни к городу появилась ещё одна дверь. Сёмка руку дал бы на отсечение, что всего час назад её тут не было – он сам пробегал по этому коридору, когда торопился на репетицию. Но вот же она! Низкая – чтобы пройти, Сёмке пришлось бы согнуться.

Пройти? Куда? За стеной одноклассники уже уселись за парты и Татьяна Георгиевна поглядывает на часы.

Странно... он оглянулся. В коридоре – ни души, будто уроки уже давно начались. Может, тот звонок был вторым, а он зазевался, разглядывая Светкину футболку?

– Сём, ты чего в класс не идёшь?

Мальчик вздрогнул. Светка. Вот ведь... Ноги вдруг подкосились, и, чтобы не упасть, он упёрся рукой в непонятную дверь.

И чуть не заорал: руку до плеча пробило будто электрическим разрядом. А в ладонь отдалось жёсткой, затухающей пульсацией. Ключ? Да. Оказывается, всё это время Сёмка сжимал его в руке. Но он ведь убирал ключ в рюкзак?

– Сём, что с тобой? – в голосе Светки прорезалась лёгкая тревога. – Ты прям побелел...

– Не, Свет, всё в порядке... Ты чего не на уроке, опоздала?

– Меня биологичка в холле задержала, внизу. Сём, да что с тобой, тебе плохо?

Девочка продолжала говорить, но Сёмка уже не слушал. Его неумолимо притягивала дверь – вся в ровных вертикальных желобках.

«...Она что, из досок сколочена?»

– Гхм... Свет... – в горле стоял колючий комок, будто там застрял клубок сухой мочалки. – Скажи, ты дверь эту видишь?

Света посмотрела на него с недоумением:

– Какую дверь, Сём? Ты о чём? Решил на историю не ходить, хочешь, чтобы я тебя отмазала? Не надейся, не буду ради тебя перед всем классом дурочку валять! Разве что очень попросишь... – и кокетливо улыбнулась.

Как это «какую?» – удивился Сёмка. Да вот эту самую, из досок, покрытых глубокими морщинами, как обветренное лицо старого моряка... И цвет подходящий – красновато-бурый. Ручки нет, зато есть замочная скважина – массивная, окантованная медью... Стоп! Может, ключик как раз отсюда?

Сёмкина рука сама – *сама!* – нащарила замочную скважину бородкой ключа. В ушах пушечной пальбой гремел металлический скрежет.

– А что это у тебя за ключ? Какой интересный... можно посмотреть?

«...Выходит, ключ она видит?

... и не провернуть – туго...»

– Сём, это что? Какая-то дверь... Откуда она здесь?

Сёмка толкнул шершавые доски. В глаза ударил дневной свет, хлестнуло холодным ветром. Что-то чужое накрыло его – будто покрывало, выброшенное на пристроившегося на диване щенка. Накрыло – и тут же отпустило, забрав с собой всё привычно-знакомое. Пропал школьный коридор, пропал дубовый паркет под ногами. Сёмка стоял, ошалело вертя головой и щурясь от яркого солнца.

Бред? Галлюцинация? Сёмка крепко зажмурился, досчи-

тал до десяти. Открыл глаза.

Не помогло. Всё на месте – и солнце, и ветер, и запах моря, такие неуместные в школьном коридоре...

Сёмка изо всех сил ущипнул себя у основания большого пальца и взвыл от боли.

Не бред. Самая что ни на есть реальность...

Светка? Стоит рядом и потрясённо озирается.

Как отличить галлюцинацию от реальности? А как в книжке написано – читали, «Понедельник начинается в субботу», братьев Стругацких? «Нажимаем пальцем на глазное яблоко, и...»

Картинка перед глазами, как и положено самой реальной реальности, не раздвоилась.

«...Никакая это не галлюцинация...»

Тогда – что? Виртуальная реальность? Матрица? Онлайн-игра со сверхглубоким погружением? Так он вроде не подключался ни к каким незнакомым устройствам? И капсул не глотал, ни красной, ни синей – вообще никакой!

«Значит, Матрица отпадает? Кто её знает... Будем считать, что да...»

Остаётся третий вариант: популярный жанр о попаданцах во времени.

Вздор? Ещё какой! Он-то не в книжке и не в кино! Всё это – взаправду!

«А взаправду ли? Так не бывает! Не бывает!

А это что? Прямо перед глазами?»

Ветер, водная гладь, усеянная лодками, небо над головой – вместо потолка школьного коридора. Высокого такого, отделанного старомодной лепниной...

Воздух, пропитанный ароматами порта – рыбой, угольной гарью, гниющими водорослями, – пронизал отдалённый гул. Бам-м! Бам-м! Бам-м!

Звук накатывался со стороны далёкой горной гряды; вдогон ему вырастал из голубого купола над головой заунывный, протяжный вой. Светка взвизгнула и больно вцепилась в Сёмкину руку.

– Зря вы тут гуляете, барышня! – раздался из-за спины добродушный голос. – Эвон как макаки шпарят! Аккурат сюды, по Западному бассейну! Тогов-адмирал с моря подошёл, со всею силой. Очень не терпится ему флот наш потопить.

Где-то далеко, за пологой сопкой, высящейся над морем, ухнуло – и через несколько секунд на водной глади выросли два грязно-пенных столба.

– Это он стрелит, япошка-то – прокомментировал неожиданный собеседник. – Двенадцатью дюймами жарит с броненосцев. Ну ничо, батарейцы с Электрического Утёса его приголубят. А вы шли бы до дому, а то, не дай Бог, снаряд попадёт – маменька ваша убиваться станут!

Да что ж это такое? Какие японцы? Какой утёс? Куда они попали?

II

Сёмка обернулся. За спиной стоял матрос. Никем другим этот человек просто не мог быть – обветренное, выдубленное лицо, изрезанное морщинами; короткая чёрная куртка грубого сукна, жёлтые блестящие пуговицы с якорями. Бушлат? Да, бушлат и есть...

На голове бескозырка – чёрная, с атласной ленточкой, на ней золотыми буквами: «Петропавловскъ». Название корабля? Понять бы ещё, откуда этот корабль, а заодно и матрос... Одно ясно: если это и правда «провал во времени», то их занесло в начало прошлого века. Надпись-то на ленточке – на старый манер, с твёрдым знаком на конце!

И что делать? Рыдать? Оправдываться: «Мы этого не проходили»? Перед кем, интересно? И, главное, зачем? Это и в школе не прокатывало, а уж здесь... «А где это – здесь? Знать бы...»

– Скажите, дяденька, – заговорила Светка, – а что это за... – девочка вдруг запнулась... – что это за пароход? Вы ведь с него, верно?

Недалеко от пристани – метрах в трёхстах – стоял оливково-серый, явно военный корабль с тремя высокими трубами. У борта теснился выводок лодчонок, стояла баржа, гружённая штабелем мешков. Сёмка готов был спорить, что где-то уже видел этот корабль. Причём совсем недавно, и не на

картинке.

Светка хотела спросить о чём-то другом, понял мальчик. А насчёт корабля – придумала в последний момент. Может: «что это за город?» Вовремя сообразила: вопрос опасный, так и в дурдом угодить недолго...

– Не пароход это, барышня! – Улыбка у матроса оказалась щербатой – нижний ряд зубов вызывающе зиял прорехой. – А вовсе даже крейсер первого ранга «Паллада». Чинють его чичас, опосля того как в феврале япошка миной подорвал. Уж скоро совсем починють... А я с «Петропавловска» – первого башенного плутонга старший комендор, боцманмат Иван Задрыга!

Светка, услышав фамилию нового знакомого, хихикнула. Матрос – или как его, боцманмат? – нахмурился, но тут же соорудил добродушную гримасу.

Видимо, давно привык к таким насмешкам.

Сёмка вежливо улыбнулся.

– «Паллада», говорите? А это... русский корабль?

И прикусил язык – надо было задать *настолько* тупой вопрос!

Поздно. Задрыга недоумённо уставился на собеседника:

– А чей же ишшо? Не японский, чай, раз под нашенским флагом ходит!

Самый что ни на есть исконный расейский крейсер, стронный в Санкт-Петербурхе, на Галерном острове! «Палашка» и есть, не сумлевайтесь...

– «Палашка»? А-а-а, это вроде как ник... то есть прозвище, да? – уточнил Сёмка и снова испугался собственного вопроса: а вдруг моряк с непонятным, но солидно звучащим званием «боцманмат» сочтёт этот интерес подозрительным и задержит его, как шпиона?

– Прозывается так промежду матросов, – охотно объяснил Задрыга. – И сестрица ейная, «Дашка», «Диана» то есть, – во-о-он она, под самым Тигровым! – и ткнул пальцем в сторону кораблей, лениво разворачивающихся на другой стороне гавани. – Вона, вместе с «Петропавловском» нашим укрывается от япошкиных гостинцев! А я тут стою, жду, потому как на катер не поспел! Будет теперь от старшего... Броненосец-то наш того гляди в бой пойдёт, а Иван Задрыга – здрастье пожалста, на берегу околачивается, быдто крупа худая!

А боцманмат, подумал Сёмка, похоже, не знаком со старой народной мудростью: «болтун – находка для шпиона»...

От гор вновь накатила гул; между берегом и кораблями выросли три столба воды. Задрыга разразился длиннейшей матерной тирадой, от которой у Светки глаза сделались похожими на автомобильные фары.

– ...ишшо третья сестрица имеется, «Аврора», – Боцманмат как ни в чём не бывало продолжал выдавать военные тайны. – Только она на Балтике сейчас, а енти две туточки, в Артуре...

Ну конечно! Вот откуда знаком Сёмке силуэт этой «Паллады» – «Палашки!» Это же почти что крейсер «Аврора» –

его мальчик видел на зимних каникулах, во время поездки в Санкт-Петербург. Экскурсовод рассказывал, что крейсер, стрелявший в семнадцатом году по Зимнему дворцу, побывал в сражении на Дальнем Востоке, где враг потопил почти весь русский флот.

Но ведь вот он, флот, не потонул! И «Аврора» не пришла ещё с Балтики...

Сёмка еле сдержался, чтобы не выругаться. Вот осёл! О чём должен был быть доклад? О Порт-Артуре, верно? О войне с японцами? Вот и Задрыга только что сказал – «Артур»... и по гавани стреляют японцы! Так это, значит, и есть Порт-Артур? Ещё бы знать, где он находится... Что стоило в кои-то веки выполнить внеклассную работу и прочитать рекомендованные книжки? Сейчас бы и пригодилось! А лучше – не лезть в незнакомые двери: собирался на урок – вот и шёл бы...

– А во Владивосток пароходы ходят, дяденька моряк? – жалобным голосом спросила Светка. – А то у нас там родители...

Сёмка от неожиданности закашлялся. Ну Светка! Вовремя сообразила про родителей во Владивостоке! Стоп! А ведь она, похоже, понимает, где мы. Точно, ведь её семья переехала в Москву с Дальнего Востока, с Сахалина!

Вскоре после своего появления в классе Светка рассказывала на уроке о природе далёкого острова. Сёмке припомнилось, как она говорила о поездках во Владивосток на пароме.

Да, девочка должна помнить историю родных мест...

– Какое там, барышня! – ответил Задрыга. – Разве что в Дальний китайские джонки бегают, да ещё миноносцы али угольщики прорвутся. Дюже стережёт япошка, а мин на внешнем рейде понакидано – не море, а чисто суп с клёцками. Уж их тралят-тралят – а он всё новые подсыпает по ночам, неймётся окаянному... – и матрос сплюнул под ноги. – А зачем вам пароход? И по чугунке можно уехать, очень даже просто. Как же вы от родителей отбились? Нехорошо, время сейчас лихое...

– Чугунка? – не понял Сёмка. – А это что?

И замолк, ойкнув: Светка чувствительно припечатала его кроссовку каблучком.

– Да-да, мы как раз по железной дороге и приехали, – за тараторила девочка. У нас дядя... родственник служит здесь, мама нас к нему и отправила. А как война началась – мы в Порт-Артуре и застряли.

– Что ж дядька не отправит вас домой? – недоумённо спросил боцманмат. – Во Владивостоке небось спокойнее, а тут видите, какие страсти?

И кивнул в сторону горной гряды, за которой снова начало погромыхивать.

Сёмка замер – а вдруг Светка с ходу выложит новому знакомому всю их подноготную?

«... Дёрнуть за руку? Толкнуть незаметно? Ущипнуть?..»

Но девочка и сама сообразила, что о путешествии во вре-

мении стоит помолчать. Пока. А лучше – совсем. Во избежание.

– Наш дядя заболел. Грипп у него... то есть лихорадка! Вторую неделю в больнице!

«Во даёт, – подумал Сёмка, – сочиняет на ходу, а глаза как заблестели! От вдохновения, что ли? Ай да Светка...»

– Занемог, значить? – посочувствовал Задрыга. – Ну, Господь даст, поправится. У нас на «Петропавловске» антиллерийский офицер тоже малярией маются. Как лихоманка прижмёт – лежат в каюте и хину ложками глотают. Захарка, вестовой, не успевает простыни менять – так их благородие на пот прошибает!

– Задрыга! Бегом сюда! – раздался высокий недовольный голос.

Ребята обернулись. Шагах в десяти от них стоял офицер – в чёрном то ли пальто, то ли длинном кителе, в фуражке с козырьком, почти вертикально спускающимся на лоб. На груди – два ряда пуговиц; нога в лакированном ботинке нетерпеливо притоптывает по доскам.

Боцманмат мячиком поскакал к начальству. Добежал, вытянулся в струнку, лихо вскинул ладонь к бескозырке:

– Здравжелаю вашбродию! Носового плутонга старшой комендор Иван Задрыга...

– Молодец, молодец... – офицер оборвал доклад ленивым движением ладони. – Что, Задрыга, к катеру припозднился? Вот и я, как видишь. Теперь придётся ждать, пока эта опе-

ретка не прекратится...

– Да, вашбродие! – поддакнул боцманмат – Не дай Бог, наши с якоря сымутся, с Тогой воевать – а мы с вами тута...

Сёмка перехватил взгляд, который офицер бросил на его спутницу. На лице моряка промелькнуло удивление и какая-то кривоватая улыбка. Он скользнул взглядом по ногам девочки и поспешно отвёл глаза.

– Так что, вашбродие, я вовремя явился, службу знаю! – распинался меж тем боцманмат. – Только катера у пирса не было – ни нашего, ни с «Дашки», ни других. Баянцы-то у пирса с самого утра стоят, когда «Баян» с «Новиком» в море выходили. Только-только катер ихний ушёл – вона, ишо ковыляет! Потому я и решил, что с якоря сымаемся...

Через взбаламученную снарядами гавань спешил отчаянно дымящий катерок – прямым к длинному кораблю с четырьмя высоченными трубами.

– Да, катерок баянский! – кивнул офицер. – Сегодня с утра в море бегали, с адмиралом, миноносников выручать – те к острову Эллиот ночью ходили. Говорят, «Стерегущего» потопили. Не слыхал, Задрыга?

– А как жа, вашбродь! – кивнул унтер. – Баянские всё как есть обсказали – и как «Решительный» в гавань прибежал, и как их высокопревосходительство господин адмирал флаг подняли на «Новике» и вместе с «Баяном» в море вышли. Да только поздно – «Стерегущий» уже утоп. Япошки, говорят, его чуть в плен не забрали!

– А «Решительный», значит, цел? – нахмурился офицер. – Что ж это, выходит, Фёдор Эмильевич бросил Сергеева?

– Он весь избит, живого места нет! – заторопился боцманмат. – Баянские говорили – как господин лейтенант Боссе доложились, что потеряли «Стерегающего», так и повалились навзничь. И не слышат ничего, потому как шимозою контуженный. У «Решительного» дырок в бортах, как у кастрюли худой, – паропровод перебило, и, как только назад дошли...

– Ладно-ладно, хвалю за усердие! – прекратил излишества Задрыги офицер. – Ты, брат, вот что – сбегай-ка посмотри – может, ещё с каких кораблей катерки у пирса найдутся? Негоже нам с тобой тут прохлаждаться. И не переживай, в море без нас не выйдут – дыма нет, значит, пары разводять не собираются...

Боцманмат, выпалив: «Слушш, вашбродь!», козырнул и со всех ног кинулся вдоль пирса. Пробегая мимо ребят, весело подмигнул Сёмке – не унывай мол, перемелется – мука будет.

– Сём, это же «Стерегающий»! – Светка сильно сжала ладошку мальчика. – У нас в школе, на Сахалине, был открытый урок – историк из краеведческого музея рассказывал про подвиг этого миноносца. Он, как «Варяг», – знаешь, конечно? – сражался один с несколькими японцами. Те его совсем разбили, а потом хотели захватить – так матросы заперлись в трюме и пустили воду! Утонули, но корабль врагам не достался! Это о нём Задрыга сейчас говорил?

Сёмка кивнул. Он вспомнил памятник в Питере: клёпаный из броневой стали крест, избитый вражескими снарядами, а у его подножия двое моряков, по колено в волнах. Один тянет руку вверх, к пробоине, через которую льётся солнечный свет, а другой отворачивает кремальеру кингстона, впуская в отсек безжалостное море.

– Конечно, о том самом. Знаешь, по-моему, мы с тобой угодили в прошлое – ну как в том сериале про войну, помнишь? «Мы из будущего» называется. Только мы очутились не в сорок втором, а в начале прошлого века, в этом самом Порте Артуре.

– В тысяча девятьсот четвёртом, – отозвалась Светлана. – И правильно говорить «в Порт-Артуре».

Девочка помолчала и вцепилась в запястье спутника ещё и другой рукой. Сквозь ткань Сёмка ясно ощутил, как дрожат её пальцы.

– Сём, я боюсь... Как же мы теперь? Навсегда останемся здесь?

III

– Слушай, холодно что-то... – Сёмка осознал, что погода стоит отнюдь не весенняя. С залива ощутимо холодит ветерком, так что Светкина дрожь – это, пожалуй, не только от нервного потрясения...

– Вот, держи, а то вон как закоченела! – И Сёмка снял с себя тёплую толстовку. – Спасибо, Сём! Всё-таки нервничает – даже в рукава попасть не может...

Он бережно помог спутнице. Светлана робко улыбнулась, и мальчик сразу почувствовал себя увереннее. Героям того фильма было куда хуже: они угодили в сорок второй год, на линию фронта, под обстрел... Но ведь и здесь стреляют, да ещё как...

Ожидая, пока Светлана приведёт себя в порядок, Сёмка порылся в рюкзаке. Что там у нас? Учебники – информатика, ОБЖ, география... так, ещё история. Пенал, пластиковая коробочка с бутербродами и глазированными сырками... Планшет? Точно. Сёмка собирался поснимать репетицию, но забыл. Ничего, теперь найдётся натура поинтереснее...

Сёмка шагнул к краю пирса, к здоровенной металлической тумбе, похожей на гриб – чёрный, чугунный, тронутый кое-где пятнышками ржавчины. Поймал в рамку крейсер. Как там называл его Задрыга, «Паллада»?

– Снимаешь? Хочешь дома в Ютуб выложить? Сём, мы ведь вернёмся, да?

Светка подвернула чересчур длинные рукава толстовки. Голова смешно торчала из воротника; вид у девочки был жалкий и в то же время трогательный – как у нахохлившегося на ветру птенца.

Сёмка медленно обвёл объективом гавань, снова вернулся к «Палладе». Перевёл кадр на берег, прошёлся вдоль линии набережной, пакгаузов. Что-то угадывалось в этом пейзаже, будто он уже видел нечто подобное. Вот только где? Ладно, потом...

– Пошли, а то вон офицер на нас косится! Может, заметил, что я снимаю, а здесь это запрещено?

– Не! – помотала головой Светка. – Я видела в Музее техники старинные фотокамеры: они большие, как... как пылесос! И с такими чёрными гармошками, ничуть не похожи на планшет!

– А что же он тогда на нас пялится? Смотри, прямо глаз не сводит!

– Ладно, пошли. – вздохнула девочка. – Дует здесь сильно, я вся замёрзла. Ноги заледенели совсем...

Сёмка хлопнул себя по лбу:

– Точно, ноги! Слушай, я понял! Видела, как он на них уставился?

– А что у меня не так с ногами? – с подозрением спросила Светка и принялась вертеться, осматривая себя.

– Да стой ты! – зашипел мальчик. – Повтори – в каком мы году?

– В четвёртом, тысяча девятьсот. Ну и что? Сём, я не понимаю...

– А то, что *здесь* женщины носят длинные юбки! До земли, понимаешь? А если из-под юбки видна хотя бы лодыжка, это считается неприличным, я читал. А у тебя вон колени голые!

Светка недоумённо подняла глаза – и стремительно покраснела. И принялась беспомощно озираться по сторонам.

«Осознала... А я тоже хорош! Нет чтобы как-то помягче или вообще потом... Как бы в слёзы не ударились! Хотя – чего тут такого? Дома-то летом и не такое носит – и хоть бы что!»

Девочка чуть не плакала – она вцепилась в Сёмкин рукав и теперь тащила его подальше от иронически усмехавшегося офицера, подальше от открытого пространства, от людей.

Вдали ухнуло, и над головой опять пропели дальними перелётами японские снаряды. Грохнуло – близко, дребезжаще, рассыпчато, и над крышами вырос дымный столб. Но Светка ничего не замечала – только бы убежать, скрыться от позора...

Мальчик тяжело вздохнул и поплёлся за своей спутницей.

Вот уж действительно – свяжись с девчонками!

До сараев они добрались – и тут же об этом пожалели. Навстречу, из узких, заваленных всяким хламом проходов, вы-

бегали люди – перепуганные, в испачканной, очень бедной одежде. Многие кричали; двое волокли под руки перемазанного кровью парня. Раненый мотал головой и охал: «Полехше, дорогие, родимые, а то помру!», перемежая жалобы матерной бранью. Тётки, молодые женщины – все как одна в платках, многие с корзинами или тряпичными кулями. Повсюду лица китайцев; то тут, то там мелькают лохматые папахи солдат.

Укрываясь от людского потока, ребята прижались к дощатой стене. Снова бухнул взрыв, земля под ногами дрогнула, зазвенели разбитые стёкла, и все звуки перекрыл многоголосый вой толпы. Громко, заполошно вопили женщины; Светка, забывшая о неприличной юбке, тихо скулила, вцепившись в Сёмку. На ребят вдруг вынесло откуда-то мужичонку в драной овчинной безрукавке. Под мышкой он волок амбарную книгу в картонном переплёте, а другой рукой судорожно сжимал конторские счёты.

– Последний день настал! – орал он. – Всем нам погибель назначена, потому – Господа прогневили! Предупреждали святые старцы, а мы, неразумные...

В чём провинилась толпа перед непонятными «святыми старцами», Сёмка так и не узнал: владельца амбарной книги унесло, а за сараями снова гроыхнуло. На фоне неба, между низкими крышами, пролетели какие-то обломки.

Толпа взвыла. Ребят чуть не смяло; Сёмка, изо всех сил упираясь в разгорячённые тела, пытался прикрыть Светку.

– Осторожно, мальчик! Вы так руку сломаете! Право, как медведь, разве так можно?

От неожиданности Сёмка отпрянул, спиной вдавив несчастную Светку в стену сарая. Перед ним стояла невысокая девочка – скорее, девушка, – в тёмно-зелёном, бутылочного цвета пальто со смешной накидкой на плечах. Ярко-рыжие волосы растрепались; шляпку она, видимо, потеряла в давке. На шее алела свежая царапина, в руке девушка держала стопку книг и тетрадей, стянутых ремешком.

– Что же вы смотрите? – возмутилась незнакомка, отшатнувшись от детины в разодранном пиджаке. Для этого ей пришлось впечататься в грудь Сёмке. – Сделайте что-нибудь, вы же мужчина!

Снова грохнуло, на головы ребятам посыпался мусор. Улица мигом опустела: люди вырвались из лабиринта между сараями, и теперь крики неслись со стороны пристани.

– Да не стойте вы столбом! – рыжая освободилась из Сёмкиных объятий. – Смотрите, вы совсем затоптали вашу даму, носорог эдакий!

«Носорог, значит? Интересно, дальше она меня мамонтом назовёт?»

Но виду не подал, а обернулся к Светке. Та медленно сползала по стене – вот-вот лишится чувств.

– Ну-ну, дорогуша, ничего страшного... – заворковала незнакомка. – Сейчас дойдём до гимназии, а там Казимир,

папин денщик, он нас отведёт на Тигровку!

«...Ещё и Казимира нам не хватало, спасибо! Хотя, обратиться отсюда подальше – это мысль. Может, по этой Тигровке хоть не стреляют?..»

– А вы всё столбом стоите? – гневно прикрикнула рыжая на Сёмку. – Возьмите же, наконец, у меня книги! – И чуть ли не швырнула мальчику свою ношу, бережно подхватывая обмякшую Светлану.

– Топольская, Галина Анатольевна. Можно просто Галина, сейчас не до церемоний. Ну-ну, голубушка, не надо... – это уже Светке. – Всё будет хорошо!

Сёмкина спутница шумно всхлипнула, посмотрела по сторонам – и неудержимо разрыдалась.

– ... А когда стали падать снаряды, в гимназии началась паника. Один разорвался совсем рядом, и Танечку Больц поранило осколком стекла, а я выскочила на улицу и побежала куда глаза глядят!

– Вы здесь ещё и учитесь? – удивилась Светка. Она уже отошла от потрясения после встречи с перепуганной толпой – щёчки порозовели, бодро оглядывается по сторонам, не забывая спрашивать рыжую Галину. «Вон и о юбке забыла, – думал Сёмка. – Хотя, Галина нет-нет да и покосится на экстравагантный наряд новой знакомой...»

– Мы недавно приехали в Артур. – продолжала девушка. – Наш папа, штабс-капитан Топольский, попросился сюда, по-

тому что дома, в Екатеринославе, много говорили о войне. Вот он и вызвался защищать эти края. Видели бы вы, как его провожали! Папа со своей ротой прошёл с оркестром через весь город. На вокзале открыли царские покои, городская знать, старшие офицеры – все собрались! А когда поезд тронулся, играла музыка, и солдаты кричали ура. Так, что стёкла в здании вокзального дебаркадера чуть не повывлетали! – с удовольствием добавила Галина. Видно было, что она не на шутку гордится отцом.

– А вы с ним приехали? – уточнил Сёмка, скорее из вежливости. Хотелось снова достать планшет и снимать, снимать, снимать...

Вот прорысили казаки. Мохнатые папахи, лампасы, шашки бряцают о стремяна. Лошади в тёмных пятнах пота; острый запах шибанул в ноздри, когда кавалькада проезжала мимо.

Дальше – китаец в синей робе и круглой шапочке; трусит, впрягшись в тонкие оглобли коляски. Пассажир, тучный офицер в белом мундире, сидит напряжённо, одной рукой вцепившись в низкий бортик, а другой придерживая зажатую между колен саблю.

Рикша с седоком поравнялись с ребятами. Офицер приподнял фуражку, приветствуя Галину. Та слегка присела в ответ.

– Капитан Биденко, – пояснила гимназистка. – Папин сослуживец по Седьмой Восточно-Сибирской стрелковой ди-

визии генерала Кондратенко. У него дочка, Ниночка. Мы с ней танцевали на балу в полковом собрании, в честь нашего прибытия. Других барышень не было – только мы с Ниной да Вера Скрыдль, сёстры ещё маленькие...

Сёмка проводил рикшу взглядом. Такое он видел только по телевизору – правда, *там* китайцы возчики не бегали на своих двоих, а крутили педали. Недавно «велорикши» появились в Москве, на ВДНХ...

– Нет, мы приехали не сразу. – Галина вспомнила о Сёмкином вопросе. – Сначала мы с мамой и сестрёнками, Лёлей и Ларочкой, остались в Екатеринославе. Но папа так хорошо рассказывал о Порт-Артуре в письмах, что мама решилась. Особенно, когда папа написал, что здесь тоже есть хорошая гимназия и меня примут во второй класс без экзаменов!

Сёмка удивился – как во второй класс? Но спрашивать не стал, зачем лишний раз вызывать подозрения?

– Вот и приехали! – хихикнула Светка. – Угодили прямо на войну! Наверное, мама теперь отца пилит за то, что он вас сюда затащил?

– Что вы такое говорите?! Мы же дочери офицера, да и мама с папой вдоволь поехала – еще до Екатеринослава! Такая у нас планида – следовать за папенькой!

И поведала, как они с матерью, малолетними сёстрами и дочерьми инженера Шварца – четырнадцатилетней Верочкой и девятилетней Варей – пересекли на поезде всю Российскую Империю, от Малороссии до Тихого океана. В Ир-

кутске, в привокзальной гостинице, больше двух суток ждали пересадки и чуть не угорели в тесном номере. Казимир и другой их попутчик, приставленный Шварцем к детям, лежали как мёртвые. Замок на двери как назло заело, и, если бы не морозный воздух из распахнутого окна, всё могло закончиться печально.

Девочка рассказала, как страшно было ехать через замёрзший Байкал. Сёмка с удивлением узнал, что железная дорога там прерывалась – через озеро перебирались на санях или, в тёплое время года, на пароме. В пути Галина и её спутницы так замёрзли, что не могли сами вылезти из саней – и плакали от боли, когда отогревались на станции, на другой стороне озера.

Зато какой приём устроили им в Артуре офицеры папирного полка! А новая гимназия? Галине понравилось там решительно всё: и внимательное отношение учителей, и огромный светлый класс, в котором всего восемь парт и столько же учениц. А после уроков её забирал из школы Казимир, к которому она привыкла ещё в Екатеринославе.

Идиллия продолжалась недолго – после первого учебного дня Галина проснулась от ужасного грохота. Хотела встать, но потом решила, что это гроза. А зимой – так мало ли что бывает здесь, на краю света? Уснула, накрыв голову подушкой, а утром узнала, что на эскадре была «учебная тревога» и папа ночью ушёл, позабыв вложить в кобуру револьвер.

– Только это оказались не учения! – вздохнула гимназист-

ка. – Когда мы с Казимиром с утра направились к пристани, чтобы ехать в гимназию, то слышали разговоры. Вокруг спорили, шумели: «война, война...» Оказалось, ночью подлые японцы напали на Артур и их флот стрелял по нашему. В гавани взорваны три корабля, а один броненосец приткнулся к берегу, чтобы не потонуть!

Рассказывая о вероломстве японцев, без объявления войны напавших на Порт-Артур, Галина гневно сверкала глазами и стискивала кулачки. Сёмка же усмехался – про себя, конечно. Знала бы она, как будут начинаться войны через каких-то пятьдесят лет!

– Млада пани! Галина Анатольна! А я вас шукаю по всему клятому Артуру! Куда же вы пропали, голубушка?

Навстречу им торопился тощий солдат в шинели с подвёрнутыми к поясу лапами. На ходу он придерживал рукой плоский блин фуражки без козырька.

– Казимир! – обрадовалась Галина. – Это папенькин денщик, он всегда меня из школы забирает. Как хорошо, Казимир, что ты нас нашёл! Мои друзья потерялись при обстреле, давай отведём их к нам на Тигровку. А то Светлану... как вас по батюшке?..

– Андреевна, – отозвалась Светка. – Только зачем, не надо...

Сёмка предупредительно сжал ей руку: молчи и делай, что говорят!

– Светлану Андреевну напугала стрельба, так что да-

вай-ка поспешим, голубчик Казимир. Что, баркас не ушёл?

– Так что, пани Галина, баркаса нигдзе нема до холеры ясны! – развёл руками денщик. – Как бомбы на город стали падать – он и ушёл Езус ведает куда. Придётся нам с вами теперь пешедралом вокруг бухты. В гавань снаряды тоже залетают – ни одна шампунька от стенки теперь не отойдёт, попрятались, бензвартошчёвы тхуже, пся крев¹...

Ничего! – храбро ответила Галина, но Сёмка уловил, что голос её дрогнул. – Дойдём. Не так уж и далеко, до темноты поспеем. И вот что, Казимир, – Светлана Андреевна, как видишь, одета не по погоде – отдай ей шинель!

Светка пыталась протестовать, но её не слушали и накинули на плечи солдатскую шинель. Та оказалась велика, и девочка не стала надевать её в рукава – спрятала руки под сукном, радуясь долгожданному теплу.

Дорога вокруг бухты на полуостров с забавным названием Тигровый хвост, или, по-простому, Тигровка, где расположились казармы стрелкового полка и офицерские квартиры, заняла немало времени. Обстрел вскоре прекратился; вода во Внутреннем бассейне уже не взлетала к небу пенно-грязными столбами, но китайские лодчонки, любая из которых могла бы переправить путников на другую сторону гавани, жались к берегу. Галина, прыгала через лужи, как самая обычная шестиклассница московской школы.

На ходу она поведала, что ещё недавно дальний конец бух-

¹ негодные трусы, сукины сыны (польск.)

ты был забит льдом, но теперь снег сошёл совсем, земля подсыхла, а раньше старый китайский город совсем утонул в грязи. Навстречу попадались люди: рабочие с тёмными, усталыми лицами; солдаты в серых шинелях и мохнатых чёрных папах; китайцы в одинаковых робах, с забавными косичками, спускающимися на затылки из-под круглых шапочек. Многие были почти не видны под неподъёмными на вид тюками; китайцы тащили их с ловкостью, говорящей о немалой практике.

Проходили команды матросов под началом унтеров, похожих на давешнего, с «Петропавловска», а один раз ребят обогнали шумные краснолицые казаки с узелками и вениками под мышками. «В бане были», – сообщила Галина.

Встречалась и публика почище: продефилировал морской офицер под руку с барышней; важно прошествовал господин азиатской наружности, в европейском платье – котелок, тросточка, золотая цепочка часовая цепочка поперёк круглого живота. Перед ним семенили трое узкоглазых слуг с бамбуковыми палками – они бесцеремонно пускали их в ход, расчищая господину дорогу в толпе соотечественников.

Строения, теснящиеся вокруг гавани, навевали лишь уныние и скуку. Бесконечные ряды дощатых сараев (Галина назвала их «пакгаузы»), будки, горы хлама, покосившиеся строительные леса... Повсюду китайцы; немногочисленные европейцы, по всей видимости, русские, в основном надзирали за работами.

В общем, смотреть в Порт-Артуре оказалось не на что – если бы не стоящие в гавани корабли. Сёмка не мог оторвать взгляда от этих красавцев и то и дело поднимал планшет. Конечно, они куда скромнее тех, что показывали по телевизору; мальчик не разбирался в мудрёных терминах вроде «водоизмещения», но и без того понимал, что любой броненосец – просто речной трамвайчик рядом с атомным крейсером. И всё же они были красивы, эти русские боевые корабли, по воле царя оказавшиеся на краю света. Галина знала их наперечёт: «Диана», «Баян», потом «Победа» с «Пересветом», за ними – длинный, узкий, как клинок палаша, «Новик». О нём и его командире, капитане второго ранга Эссене, девочка говорила с таким упоением, что Сёмке показалось, что она неровно дышит к этому моряку...

Осведомлённость гимназистки в военно-морских делах была удивительна, о чём Сёмка ей тут же и заявил. Галина усмехнулась: «Чего же вы хотели? Артур – база флота, здесь каждый китаец знает и названия кораблей, и имена старших офицеров.»

За разговорами обогнули гавань; по пути перемазали ноги в ледяной каше у раздолбанных бревенчатых пирсов, где теснились баржи-грязнухи и шаланды управления порта. Гнилой угол, дальний конец гавани, полностью оправдывал своё название: в отлив вода уходила, обнажая дно, покрытое жидкой грязью. На берегу грязи было не намного меньше – разве что через самые глубокие колдобины были переброшены

доски.

Когда Казимир предлагал девочкам перенести их через очередную канаву на руках, те с негодованием отказывались. Так что денщику вместе с Сёмкой приходилось вязнуть в грязи, поддерживая барышень, пока те перепархивали с доски на доску.

К казармам пехотного полка подошли уже в темноте – об уличном освещении здесь, похоже, не слышали. У казарм было почище: дорожки выложены булыжником, через канавы перекинута дощатая мостки. Казимир поведал, что раньше и здесь грязь была непролазная – но генерал Кондратенко, к чьей дивизии причислялся расквартированный на Тигровке стрелковый полк, посетил расположение, замарал генеральские брюки и устроил командиру «распеканку». После этого солдаты выложили дорожки натасканным с берега булыжником.

– Пришли! – Галина остановилась перед аккуратным домиком с верандой. – Здесь мы и живём. А с другой стороны вход на половину Скрыдлей. У них ещё дочка, Вера, помните, я рассказывала?

– Галина! Куда ты подевалась, негодница? – на веранду вышла стройная, лет тридцати пяти, дама в персиковом платье. – Мы места себе не находим – думали, тебя убило во время обстрела! Зачем, скажи на милость, понадобилось уходить из гимназии? Отец, как началась бомбардировка, поехал за тобой, а ты... А уж от вас-то, Казимир, я не ожидала

такого легкомыслия! – дама сверлила поляка гневным взглядом.

– Пани ясновельможна, Татьяна Еремевна, то не моя вина, Езус сшваджем!² – принялся оправдываться солдат. От волнения он то и дело вставлял в свою речь польские фразы. – Я паненку по всему городу шукал, а тут япошка, пся крев, бомбы бросать принялся!

– У-у-у, предатель! – Галина состроила недовольную гримаску. – Всенепременно надо рассказывать...

Хозяйке эти препирательства надоели.

– Ну довольно! Галина, марш переодеваться и мыть руки! Ужин уже остыл...

И тут только увидела, что дочь пришла не одна.

– А это кто с тобой? Простите, господа, сразу не заметила... Что же ты не представишь меня своим друзьям?

– Светлана и Семён... э-э-э... – девочка виновато улыбнулась. – Представляешь, мам, мы встретились возле пакгаузов, в порту. Там началась паника, меня чуть с ног не сбили! А мадемуазель Светлане сделалось дурно...

– Ладно, потом расскажешь, – решительно заявила хозяйка. – А вы, молодые люди, проходите, сейчас велю горячего чаю... Дуняша, подай шаль нашей гостье, а то она совсем зазябла!

И ребята вслед за новой знакомой шагнули в уютное, пахнущее печёным хлебом тепло.

² *Господь свидетель (польск.)*

IV

– Скажите, юноша, а что во Владивостоке говорят о начале войны? – отец Галины, ловко подцепил палочкамипельмень. Пельмени были не простые – китайские: Топольские держали местную кухарку. Хозяйка дома успела уже посетовать на то, что русской прислуги в Артуре не найти, но китайцы, слава Богу, трудолюбивы, вежливы и почти не воруют. И кухня у них замечательная, хотя русским и непривычна. Да вот сами и попробуйте...

Пельмени, носящие название «дим сум», полагалось подавать к чаю. Начинку их составляли креветки и отваренные побеги бамбука. На стол «дим сумы» подавала кухарка Топольских, миниатюрная китайка Киу Мийфен, что, как тут же объяснила Галина, означает «осенний аромат сливы».

Мать Галины готова была часами рассуждать о достоинствах китайской еды; глава семьи относился к этому с некоторой иронией, но супруге поддакивал. Галина то и дело фыркала в чашку, слушая маменькины сентенции, но возразить не решалась.

Сёмка отложил палочки (спасибо суши-барам, не опозорился!) и солидно откашлялся. Назревал серьёзный мужской разговор о политике. «Знать бы только, что тут за политика...»

Татьяна Георгиевна, историчка, говорила не раз: у наро-

дов-соседей претензии друг к другу копятя веками, и веками же не разрешаются. Наверное, у России с Японией так же – вряд ли за век с лишним появилось что-то совсем уж новое. А какие у японцев сейчас претензии к России? Северные территории, острова – Шикотан и ещё какие-то... Наверняка и здесь их поделить не могут...

– Да вот, – начал Сёмка, – говорят, японцы из-за островов не могли успокоиться, всё требовали вернуть назад. Вот потому, наверное, и напали – хотят себе забрать, потому что наши после войны их заняли и не... И прикусил язык – Светка под столом больно пнула его в лодыжку. «...Идиот, до *той* войны – почти сорок лет...»

– Только не острова, а полуостров, – поправил штабс-капитан. – Ляодунский полуостров достался Японии по Симонсекскому договору 1895-го года, после войны с китайской империей Цин. А потом Россия, вместе с Германией и Францией, обратилась к япошатам, требуя отказаться от аннексии Ляодуна, и пришлось бедным макакам уступить. Они очень сердились – в японо-китайскую войну Порт-Артур, тогда ещё китайский Люйшунь, достался армии микадо немалой кровью. Европейцы теряться не стали – за год протянули через Маньчжурию железную дорогу, а немцы в Циндао построили базу для своих кораблей. – Правильно япошек из Маньчжурии вытурили! – фыркнула Галина. – Вон наша Киу Мийфен, – и девочка кивнула в сторону кухни, – всё твердит: «Руссики уходить нет, японци приди, китайси рис нет,

чумиза нет. Китайси умирайло, японси живи...»

– Да, верно – согласилась с дочерью Татьяна Еремеевна. – При японцах тут такое творилось – кровь в жилах стынет! На площадях головы людям десятками рубили. Ставили в ряд – и одного за другим, саблями...

– Катанами, – вставил Сёмка. Уж в этом-то он разбирался. – Это меч такой, японский. Лезвие изогнуто, и острое, не хуже бритвы, – их ещё в миллион слоёв куют!

– Миллион?! – ахнула Галина. – Это же сколько надо работать? Лет сто, не меньше...

– Не так уже и много. Расковывают болванку в пластину, сгибают пополам, проковывают – и так двадцать раз. Как раз получается миллион слоёв!

– Двадцать? – недоверчиво переспросила Галина – Все-го-навсего? И – целый миллион? Подождите, сейчас... – и девочка, закатив глаза к потолку, принялась беззвучно шевелить губами, загибая пальцы.

– Ну, это надолго – усмехнулся Анатолий Александрович. – В математике наша Галка не блещет.

– И вовсе нет, папенька! – вспыхнула гимназистка. – Только в уме никак не получается... Сейчас возьму карандаш, посчитаю столбиком! – и, не обращая внимания на протесты, выскочила из-за стола.

– Вот ведь упрямица! – покачал головой штабс-капитан. – Теперь не уснёт, пока не сосчитает. А вы, молодой человек, недурно осведомлены в вопросах японской культуры. По-

хвально, похвально. Как вы полагаете, станут они воевать против России всерьёз? А то у нас кое-кто надеется, что дело ограничится перестрелками на море – ещё месяц-другой, и япошки сами запросят мира...

– Ещё как станут! – оживился Сёмка. – Они ж отморозки, упоротые – когда с пиндосами на островах резались, даже в плен не сдавались. Их огнемётами из бункеров выжигали, а женщины с детьми с обрыва в море бросались, чтобы не попасть в плен! А ещё камикадзе...

И запнулся, сообразив, что снова ляпнул что-то не то.

За столом повисло неловкое молчание. Хозяйка поперхнулась чаем; брови её супруга поползли вверх.

– С какими, простите, пиндосами? Я не совсем... кажется, в Одессе так называют местных греков? Мне случилось бывать там, но при чём же здесь японцы? И, кстати, – что такое «огнемёт»?

– Пиндосами у нас в школе американцев зовут, – принялся объяснять Сёмка, и встретился глазами со Светкой. Она то ожесточённо крутила пальцем у виска, то хлопала себя по губам: «Заткнись, болван!»

– Вы ничего не путаете, Семён? – продолжал недоумевать штабс-капитан. – Разве Североамериканские Штаты воевали с Японией, тем более на каких-то островах?

Надо было срочно выкручиваться – и Сёмка, вспомнив балладу Киплинга, которую так любил дядя Витя, принялся рассказывать о стычках американских и японских браконье-

ров из-за котиковых лежбищ, о древнем китайском оружии – трубе, которая изрыгает на врага струю горящего масла. И с каждой фразой увязал всё глубже. Анатолий Александрович был безжалостен – цеплялся то к одному, то к другому неосторожному слову; Сёмка, пытаясь выбраться из очередной ловушки, в которую сам же себя и загонял, путался в тенетах вежливых вопросов, задаваемых негромким голосом. Светка даже пинаться перестала – только смотрела на бестолкового спутника. В глазах её застыло отчаяние.

– Один миллион сорок восемь тысяч пятьсот восемьдесят шесть! – победно провозгласила Галина, появляясь в столовой. – А вы, папенька, не верили! Вот вам! – и показала отцу острый язычок.

Анатолий Александрович улыбнулся, сразу подобрев лицом.

– А ну-ка, егоза, покажи свои расчёты, – и потянулся за листком, которым, будто захваченным вражеским знаменем, размахивала дочь. – Небось ошибок наделала?

– И ничего я не ошиблась! – возмущённо вскинулась Галина. – Вот, сам посмотри...

Сёмка, обрадованный сменой темы, решил помочь спасительнице:

– Давайте я, Галина Анатольевна, проверю на калькуляторе, тогда и увидим...

Рабочий стол смартфона вспыхнул, высыпали рабочие иконки «андроида», и мальчик принялся тыкать пальцем в

экран.

– А ну-ка, молодой человек, что это у вас за приспособление? – штабс-капитан привстал и потянулся через стол к Сёмкиному гаджету. – Не позволите?..

Светка закрыла лицо руками – это было уже слишком.

«... Что это я? Помутнение разума? Ну всё, засыпались.... И дёрнул чёрт ляпнуть про этот “миллион слоёв”...»

Но обошлось без тяжёлых взглядов в упор и вопросов в стиле «Кто вы, мистер Бонд»? Анатолий Александрович повертел в руках смартфон, удивлённо хмыкнул и потребовал разъяснений – пока, слава богу, лишь о том, «как эта штука работает». Сёмка, изо всех сил стараясь унять дрожь в пальцах, нашарил в списке приложений калькулятор, растянул окошко на весь экран и принялся объяснять. Сгорающая от любопытства Галина пристроилась сбоку и дышала ему в ухо. Хозяйка дома и та как бы невзначай, заглядывала гостю через плечо.

Штабс-капитан был покорён. Он крутил гаджет в руках, завистливо охал и дивился, кто это сумел изобрести такую изумительную штуку и почему он ничего о ней не слышал. Сёмка невразумительно мямлил про малоизвестного американского изобретателя, гадая про себя, чем закончится его очередной – на этот раз, похоже, последний! – промах.

– Поразительная машинка! – восхищался Анатолий Александрович. – Нам, пехотным, и то пригодилась бы, а уж артиллеристы – те за неё душу продадут! Возьмётся, бедняги, со

своими таблицами, логарифмическими линейками... А тут – раз-два, и готово!

– Так смартфону... этой машинке нужно электричество! У вас ведь тока нет, верно? – Сёмка покосился на керосиновую лампу с медным шаром.

– Электричество в Артуре есть только в Управлении Квантунской крепостной артиллерии и в порту, в мастерских, – кивнул штабс-капитан. – Если надо, можно зарядить и там. А вы не знаете, молодой человек, можно ли выписать такую из Америки? У меня есть друзья на батарее Золотой горы, они наверняка захотят....

Сёмка беспомощно открыл и закрыл рот, так и не придумав, что бы соврать поправдоподобнее, и вдруг хлопнул себя по лбу и, чуть не сбив стул, кинулся к рюкзачку. Тот лежал на узком диванчике, который Галина назвала «канапе».

– Возьмите, Анатолий Алексаныч! – Сёмка протянул Топольскому калькулятор «Ситизен». – Его даже заряжать не надо – держите так, чтобы на эту вот пластинку падал свет, и он сам будет работать. От солнца. Умеет он, конечно, поменьше, но корни можно брать, и уравнения, и косинусы с синусами – вот, видите, значки?

С тех пор как в московских школах появились глушилки сотовой связи, Сёмка таскал в школу «инженерный» калькулятор с монохромным ЖК-экранчиком.

Отец Галины запротестовал, а вот Галина не растерялась: «Если вы, папенька, не хотите – мне пригодится, в гимна-

зии». Мать тут же пристыдила дочку: на батарею счётная машинка, конечно, нужнее.

Топольский заявил, что не может принять в подарок такой ценный предмет, и поинтересовался ценой американской диковинки.

Сёмка чуть не ляпнул: «Ерунда, рублей пятьсот», – но на этот раз вовремя прикусил язык. Если не ввали в каком-то фильме, что ему недавно случилось увидеть, «до революции в России корова стоила три рубля» – а значит, он собрался затребовать с гостеприимного офицера целое состояние!

«Ну и как будешь выкручиваться?»

– Долларов десять, кажется, когда был новый, – помявшись ответил мальчик. Штабс-капитан кивнул:

– Недешёвая штука. Ну да, наверное, стоит того... Это, выходит, рублей тридцать, так, Танюша?

– Больше тридцати пяти, – отозвалась супруга. – Золотом, конечно. Война, курс что фунта, что доллара взлетел до немыслимых высот – совсем банкиры обнаглели...

Да уж, – невесело усмехнулся офицер. – То не беда, если за рубль дают полрубля, а то будет беда, когда за рубль станут давать в морду³...

Сказано было сильно. Сёмка удивился: что, и здесь рубль падает? Решительно ничего не изменилось за эти годы: гаджетов напридумывали, а по сути – всё то же самое. Что за неустроенная такая страна – Россия? Больше века прошло, а

³ фраза приписывается Салтыкову-Щедрину.

инфляция как была, так и есть! Хотя при Советском Союзе её, вроде бы, не было... Или была? «Надо бы уточнить у дяди Вити...» – подумал Сёмка и тут же вспомнил, что и дядя Витя, и Центробанк остались в будущем и неясно, увидит ли он их когда-нибудь ещё...

Татьяна Еремеевна принесла кошелёк – большой, бархатный, с замочком в виде блестящих шариков. Извлекла монеты – три жёлтых, неожиданно тяжёлых кружочка с мужским профилем и другие, покрупнее, белого металла. Жёлтые кружочки, оказавшиеся золотыми, именовались непонятно – «империалы»; белые были из серебра. «Возьмите, юноша – золотом по нынешним временам надёжнее, чем асигнациями...»

Всего в руки Сёмки перекочевали 36 рублей. Мальчик сначала отнекивался, а потом сообразил: получится или нет вернуться домой, а здешние деньги им не помешают. Если придётся застрять здесь, будет хоть что-то на первое время, а нет – так можно будет сувениров прикупить. В конце концов, надо же захватить из прошлого хоть какие вещественные доказательства?

V

Сёмка закинул руки за голову и попытался расслабиться. Безумный день отнял у него все силы: загадочная дверь в школьном коридоре, Порт-Артур, артобстрел, прогулка по городу и, под занавес – смахивающая на допрос беседа за ужином у Топольских. Он ожидал, что провалится в сон, едва щека коснулась подушки. Но нет: как только хозяйка, милейшая Татьяна Еремеевна, поправила ему одеяло и со словами «Приятных сновидений, Семён!» вышла, мальчик испытал острое желание вскочить и забегать по комнате. Он остался совсем один – Светлану уложили в Галкиной комнате, а Сёмку устроили здесь, в кабинете хозяина, на кожаном, с пухлыми валиками диване.

«Сколько сейчас, десять вечера? Топольские рано ложатся спать...»

Тусклая полоска под дверью от керосиновой лампы, пропала. По потолку, пробиваясь сквозь гардины, гуляли пятна электрического света. Такие же отбрасывали по вечерам трамваи – под окнами их квартиры на Таганке были рельсы, и порой к пятнам электрического света примешивались фиолетовые сполохи от искр на трамвайной дуге. Это было дома, в Москве, в двадцать первом веке. Мама заходила в комнату, поправляла одеяло и задёргивала шторы, чтобы трамваи не мешали Сёмке спать. Потом он вырос, и мама стала

заходить реже...

К горлу подкатил комок. Комната, мама, отсветы фонаря на улице... Сёмка сглотнул и попытался взять себя в руки. Не хватало ещё разреветься, как девчонка!

Полосы света на потолке и полках, уставленных рядами книг, – это от корабельных прожекторов. Японцы каждую ночь пробуют на прочность боевое охранение эскадры: забрасывают внешний рейд минами. Когда штабс-капитан рассказал, как они незаметно проникли в гавань и подорвали корабли, Сёмка сразу представил себе боевых пловцов, эдаких «морских котиков» – вот они подплывают к броненосцам, вот пришлёпывают на днища магнитные мины и неслышно растворяются в чёрной глубине.

Но оказалось, что «минами Уайтхеда» здесь называют торпеды, а о боевых пловцах никто не слышал. Атаковали эскадру японские миноносцы – внезапно, без объявления войны. «Как американцев в Пёрл-Харборе», подумал мальчик, но на сей раз благоразумно промолчал.

Нападения никто не ждал, и когда раздались первые взрывы, в городе решили, что моряки устроили учения. Но это была война, и в результате... Сёмка помнил, с какой горечью Топольский перечислял взорванные броненосцы и крейсера.

С тех пор, как рассказывал гостям штабс-капитан, японские миноносцы еженощно рыщут у Артура, и с эскадры шарят вокруг прожекторами, и палят в темноту из противоминных скорострелок. По бортам кораблей на длинных шестах –

«выстрелах» – вывешены тяжеленные, плетённые из тросов сетки, в которых должны запутаться самодвижущиеся мины. Жаль, в ту февральскую ночь эти сетки остались свёрнутыми...

С моря доносился глухой пушечный гул. Наверное, далеко – на внешнем рейде. Татьяна Еремеевна предупредила, что бояться нечего – стреляют каждую ночь, но чаще по воображаемым целям. Только спать людям не дают!» – Сёмка хмыкнул про себя: вот они, женщины – война, а им подавай домашний уют, и чтобы спать не мешали. А то взяли моду стрелять по ночам...

Ему не давала покоя какая-то мелочь – грызла, не позволяя уснуть. Поворочавшись четверть часа, Сёмка не выдержал и уселся на диване, обхватив колени руками.

«Так. Галкина мамаша зашла, поправила одеяло, пожелала спокойной ночи, предупредила о стрельбе... *Предупредила!*»

Но в Артуре давно привыкли к пушечной пальбе! И матерям незачем каждый вечер предупреждать детей – они и сами всё знают. А его вот предупредили...

А рассказ Топольского – подробный, будто Сёмка слышал о японском нападении впервые в жизни? «...Так и есть, впервые! Ох, спалились мы...»

Ну конечно – ведь они не знают о том, что известно в Артуре любому китайцу, любому уличному мальчишке! О ночной стрельбе на рейде, о прожекторах, о внезапной атаке и

минах! Зато сколько лишнего наговорили – вспомнить стыдно... Скрипнула дверь, Сёмка вскинулся, готовый прыгнуть в окно – как есть, в майке и трусах. Сквозь стекло.

Тишина. Только на внешнем рейде погромыхивает.

«...Померещилось? Так и правда свихнуться можно...»

Дверь приоткрылась, мелькнула белая фигурка. Шаги лёгкие – будто сквозняк прошелестел по комнате.

– Сём, ты не спишь? Я дождалась, пока Галка заснёт, вышла из комнаты – и к тебе. Поговорим?

Аккуратно, стараясь не скрипнуть петлями, девочка приоткрыла дверь и присела на краешек дивана. Она была в длинной, до пят, ночной рубашке и поверх неё закуталась в тёплый платок. У Сёмкиной мамы был такой. «Оренбургский» – так она, кажется, его называла... Сёмка недовольно поморщился и уселся, завернувшись в одеяло, обхватив руками колени. Поговорить и правда надо, тем более что сна ни в одном глазу – да и откуда, раз за окном стреляют из пушек? И не салют какой-нибудь, а палят по тому самому городу, в котором ты сейчас пытаешься заснуть.

– Ну давай поговорим... – буркнул Сёмка. – Хотя чего там – говори не говори, а вляпались мы по самое не могу...

Светка поморщилась, недовольно дёрнув плечиком, и он тут же припомнил: дома она сторонилась не то что материны, но даже и безобидных скабрзностей, которыми так и сыпали одноклассники.

– Сём, что делать будем? – продолжала девочка. – Ну ты

дал за столом! Я думала, у Галки глаза вылезут, когда ты сказал про американцев, – так она на тебя уставилась. А уж папаша её...

– А чего он? – огрызнулся Сёмка. – Я запутался, всё в голове перемешалось. Порт-Артур, Пёрл-Харбор... и вообще, мы этого ещё не проходили! Даже на презентацию эту не успели, а то бы знали, что тут творится!

– Так что будем делать? – повторила Светка. Она сразу сделалась какой-то беспомощной, куталась в платок, будто мёрзла. – Сём, я ужас как боюсь! А если японцы снова станут стрелять и в нас снаряд попадёт?

– Не станут, – неуверенно отозвался мальчик. – Анатолий Алексаныч говорил – флот не даст...

За ужином, до того как Сёмка увяз в своих выдумках, отец Галины подробно изложил последние артурские новости: и о гибели «Стерегущего», и о том, сколько снарядов с батареи Электрического утёса угодило в японские броненосцы. А главную – о разное, который командующий эскадрой устроил командирам броненосцев, не успевшим вывести корабли из гавани, – штабс-капитан пересказал целых два раза.

Нет чтобы на этом и остановиться, с досадой подумал Сёмка. Или Топольский уже тогда что-то заподозрил?

– А ты тоже хорош! – Светка будто прочла его мысли. – Кто, скажи, пожалуйста, тянул тебя за язык насчёт этого миноносца? Тоже мне, знаток – в кораблики поиграл и решил, что разбирается теперь лучше всех!

Мальчик виновато втянул голову в плечи. Светка была права.

Когда Анатолий Александрович сказал, что «Стережущий» погиб в бою с японскими *истребителями*, Сёмка немедленно оживился. Тема знакомая, почти родная: он только вчера до ночи гонял кораблики в онлайн-игре и не забыл, что может сделать с одиночным эсминцем пара палубных эскадрилий.

Но кто же знал, что «истребителями» – от английского «destroyer» – здесь называют вовсе не самолёты! Это, оказывается, тоже миноносцы, но помощнее и с сильной артиллерией. Их задача – *истреблять* вражеские миноносцы и минные катера, отсюда и название. К тому же... Сёмка запоздало вспомнил, что первый полёт братьев Райт состоялся в 1902 году, то есть всего два года назад.

«...И какие нафиг самолёты? Не знаешь – так и нечего рот разевать! Сиди помалкивай, слушай умных людей...»

После очередной его фразы: «*два звена палубников, если зайти вдоль палубы, расколотят эсминец, как бог черепаху – тем более, когда ПВО не прокачено...*» – Топольский насторожился и принялся задавать вопросы. В них Сёмка и запутался, как муха в паутине. Он видел их на даче – здоровенные, чёрно-зелёные, с тошнотворным металлическим блеском, они вязли в серой паутине и долго ещё жужжали, пытались вырваться. А потом затихали – и через пару дней от мухи оставался лишь ссохшийся в крошечный уголёк трупик...

Мальчик поёжился. Тот-то и оно: жужжи не жужжи, а влип – всё, уже не выбраться. Да и куда, если подумать, выбираться? Какие силы забросили их в прошлое, кто подсунул им эту чёртову дверь? Стоп! Дверь... *Ключ?!*

Он отшвырнул одеяло и как был, в одних трусах, не стесняясь сидящей на диване Светки, пошлёпал к висящим на стуле джинсам.

Ключ оказался на месте – в кармане, куда мальчик сунул его, обалдев от неожиданного перемещения во времени. Массивный, угловатый, он лёг в ладонь успокаивающей тяжестию. Раз есть ключ – значит, найдётся и замок?

В прошлый раз нашёлся – так, может, и здесь спрячется где-то дверь, ведущая из чужого опасного города домой, в двадцать первый век?

– Ой, это тот самый? – Светка выхватила из Сёмкиных рук увесистую бронзовую штуковину. – Мы сможем вернуться?

И закружилась по комнате. Прижимала драгоценный ключ к груди, к щеке, тискала его, как пушистого котёнка, мурлыча под нос незамысловатую вальсовую мелодию. Глаза её лучились от радости, платок развевался, подобно шлейфу бального платья.

– Сёмочка, миленький, мы ведь вернёмся, правда-правда?

И, прежде чем мальчик успел ответить, Светка обеими руками – ослепительно-белыми, в тревожных отсветах, прорывающихся через гардины, – обняла его и поцеловала в щёку. Сёмка в смущении отшатнулся, диван коварно толкнул под

колени, и он с размаху шлёпнулся на одеяло. Светка проделала ещё несколько па и замерла у окна. Вдали затрещало – часто, словно некий великан на бегу провёл палкой по огромному дощатому забору.

– Свет, ты погоди радоваться! – пробормотал ошарашенный столь бурной реакцией девочки Сёмка. – Ещё неизвестно, какую дверь этим ключиком надо отпирать. И вообще – может, Топольские нас раскусили и из дома не выпустят? Тебе Галина ничего не сказала подозрительного? Вы о чём трепались перед сном?

Светка озадаченно нахмурилась:

– Знаешь, я как-то не подумала... Галка пыталась меня разговорить, но я сделала вид, что очень хочу спать. А как она заснула – сразу к тебе...

Сёмка с досадой помотал головой.

– Ну да, конечно, как под столом лягаться – это ты подумала! А чтобы по делу расспросить – нет, ты вид делала! Ясно же, что нас заподозрили и завтра примутся выяснять, кто мы такие. Здесь, на секундочку, война. – а вдруг у них тоже шпиёнов повсюду ловят, как в том фильме?

Недавно классу вместо урока ОБЖ показывали старый, советских времён, фильм про оборону Москвы. В нём милиционеры ловили на улицах мародёров и немецких шпионов – и расстреливали, без суда, в ближайшей подворотне. Светка поёжилась.

– Но ведь там фашисты... и вообще, Москва была на осад-

ном положении!

– А мы здесь на каком? – Сёмка, возмущённый непонятливостью спутницы, чуть не завопил. – Ты что, не помнишь, как называлась презентация, на которую мы так и не попали? «Осада Порт-Артура» – вот как! *Осада*, понимаешь? И положение тут самое что ни на есть *осадное*! Вон по городу из пушек бьют – тебе этого мало?

– Так что же делать? – растерянно пролепетала Светлана, и глаза её набухли слезами. – Сём, придумай что-нибудь, ты же мужчина!

Несмотря на отчаянное положение, Сёмка чуть не расхохотался. Вот они, женщины: чуть, что – «придумай что-нибудь, ты же мужчина!» Хотя это даже приятно, тем более когда Светка дрожащими ладошками сжала его руку. Ключа она при этом не выпустила, и бородака больно впиалась Сёмке в ладонь.

Мальчик осторожно забрал артефакт.

– Для начала – не паниковать и выспаться, – солидно заявил он. – Иди к себе, а то Галина проснётся и что-нибудь заподозрит. А утром будь готова сбежать в любой момент.

– А если прямо сейчас? – предложила девочка. – Пока все спят? Чего утра дожидаться? Я за вещами сбегаю, а ты одевайся!

– Нет, не стоит, – решительно помотал головой Сёмка. – Темно, города мы не знаем, грязь повсюду... Светает тут поздно, пока дождёмся утра – замёрзнем. И как нам в тем-

ноте дверь искать? Нет уж, лучше завтра. Выберемся на улицу, добежим до пристани – помнишь, дощатая, за сараями? Казимир говорил, что с неё китайцы-лодочники пассажиров возят в Новый город, через гавань. Деньги у нас теперь есть, наймём лодку – и в порт. Я так думаю, дверь надо искать недалеко от места, где мы появились в первый раз.

– Ладно, – вздохнула Светка, кутаясь в платок. – Тогда я – спать. Правда глаза слипаются...

И упорхнула лёгкой тенью.

А Сёмка, укладываясь на диван, всё вспоминал этот нечаянный поцелуй. Щека горела, но он не прикасался к ней, чтобы не стереть это упоительное ощущение. Так и заснул, уткнувшись в подушку другой щекой.

VI

Утро принесло яркий свет – будто и не было вчерашней дождливой хмари! – и некоторое успокоение истерзанным недобрыми ожиданиями ребятам. Отца Галины за завтраком не оказалось; супруга его любезно пояснила, что Анатолий Александрович ушёл затемно вместе с вестовым из штаба полка. Объяснение, таким образом, откладывалось.

«Пронесло? Рано пока радоваться...»

И точно – после завтрака хозяйка огорошила ребят, заявив, что Казимир отведёт их в город, в некое «Управление Квантунской дистанции Маньчжурской железной дороги». Сёмка хотел запротестовать, но вовремя прикусил язык – вспомнил, что Светка вчера лягнула, будто бы их дядя служит железнодорожником. Галина вызвалась сопровождать гостей; Татьяна Еремеевна пыталась возражать, но, услышав, что «непременно надо разузнать, как дела в гимназии», уступила, наказав быть домой к обеду. Галка прощebetала: «Конечно», маменька» – и, прихватив Светку, убежала собираться.

На причале сели в лодку китайца-перевозчика. Ребята уже знали, что эти посудины называют «шампуньками» – от китайского «сампан», как пояснил господин с петлицами почтового ведомства. Кроме них троих, в лодку поместилось ещё пятеро; китаец оттолкнулся веслом от щелястой приста-

ни и направил шампуньку через вход в гавань, прочь от Тигрового Хвоста, к далёкой портовой стенке.

Недолгая поездка оказалась нешуточным испытанием: оказалось, на шампуньках и гребцы и пассажиры, должны стоять, всё время перебирая ногами в такт движениям весла. Впрочем, как пояснил тот же почтовый служащий (он направлялся в контору Управления порта), владельцы шампунек своё дело знают – на этих скорлупках можно выходить в открытое море даже в ненастную погоду.

Бухту пересекли за четверть часа. У пристани в Новом городе роились в ожидании пассажиров шампуньки. Порой к их услугам прибегали офицеры и матросы с эскадры – этим клиентам лодочник мелко кланялся, а его коллеги завистливо косились на счастливика. Матросики нередко возвращались с берега в изрядном подпитии, а потому медяков не считали – сколько зачерпнут из кармана, столько и отсыплют в подставленную ладонь. Тем более не мелочились офицеры – расплачивались, считая неприличным брать сдачу.

На внутреннем рейде курились дымками труб боевые корабли. Водную гладь во всех направлениях рассекали паровые катера, шампуньки, джонки с нелепо задранными носом и кормой; пыхтящие портовые пароходики волокли низко сидящие баржи. В дальнем конце рейда к небу тянулся лес мачт, перечёркнутых реями, – там стояли изящные даже у пристани парусники. На их палубах высились одинокие закопчённые трубы и пушки на тумбах. Возле одного из ору-

дий возился матрос, натягивая на него белый парусиновый чехол.

Пожилой матрос, возвращавшийся с Тигровки «от кумы», охотно пояснил ребятам, что это старые, построенные три десятка лет назад клиперы и винтовые корветы. Ещё не было базы флота в Порт-Артуре, а эти корабли уже бегали с Балтики во Владивосток, несли службу в Сибирской флотилии. Сейчас её место заняли Первая Тихоокеанская эскадра и Владивостокский отряд крейсеров, а парусно-паровые ветераны дослуживают свой век брандвахтами. Услышав о них, Светка принялась поддакивать: оказывается, она читала об этих кораблях. Сёмку заворожили их имена: «Джигит», «Разбойник», «Забияка». Они вызывали в памяти шемяще-романтические образы: кокосовые острова, и разорванные тропическим шквалом марсели из повестей Станюковича, и рассветное небо над Тихим океаном.

«Какая ещё романтика? – с досадой оборвал себя мальчик. – Вот он, океан, и небо над ним – всё в угольной копоты. Того гляди посыплются оттуда двенадцатидюймовые гостинцы...»

Ну корабли кораблями, а вот в «Управлении Квантунской дистанции» делать точно нечего. Если верить Казимиру, то идти туда от порта всего ничего – полверсты. Так что, оказавшись на твёрдой земле, Сёмка стал прикидывать, как бы половчее смыться. Народу вокруг была уйма, много солдат и матросов, так что просто драпануть – и думать не стоит,

поймают. Мало ли какие инструкции дал своему денщику штабс-капитан Топольский. А вдруг поляк отведёт их не в железнодорожную контору, а напрямик в контрразведку?

Лодочник высадил ребят в полусотне шагов от *того самого* места на пирсе. И точно – вон чугунные тумбы кнехтов, и даже катерок с военного корабля тычется в брёвна пристани. Но, как ни крутил Сёмка головой, ничего похожего на контур загадочной двери он не обнаружил. Мальчик стискивал в кармане ключ, пару раз даже вытаскивал его наружу, зажав в кулаке, – может, дверь «почует» знакомый предмет и появится?

Ничего. А Казимир с Галиной тем временем двинулись в проход между пакгаузами, за которыми теснились неопрятные домишки. Вот стена – по ней Сёмку и Светлану вчера чуть не размазала толпа. Штабель бочек, старая разохшаяся лодка днищем вверх; за ней уходит вправо узкий переулок. Казимир увлёл Галину к противоположной стене, давая дорожку тележке, которую волокли двое китайцев. Тележка была нагружена высоченной пирамидой тюков, и они на мгновение скрыли ребят от глаз спутников.

– Бежим! – прошипел сквозь зубы Сёмка.

Светка, с круглыми от азарта глазами, нырнула в проход между пакгаузами. Мальчик последовал за ней.

Они свернули за угол, и Сёмка чуть не полетел кувырком: наткнулся на кошку, так некстати выбравшуюся погулять. Хвостатая разбойница с возмущённым мявом метнулась из-

под ног. От неожиданности он чертыхнулся – так и ногу вывихнуть недолго...

«... Кто такой джентльмен? Это тот, кто называет кошку кошкой, даже когда спотыкается об неё.

...Куда мне... воспитание не то...»

Снова поворот; доски, прикрывающие дыру в заборе; крошечный, заваленный бухтами канатов дворик, едкий запах смолы. Ещё проход – на этот раз на довольно широкую улочку, карабкающуюся в горку, прочь от моря. По мостовой шагают – вразнобой, кто во что горазд – десятка два матросов. Слева боцман – грудь колесом, бескозырка с надписью: «*Пересвѣт*». Идёт вальяжно, покрикивая нечто невразумительное, но не вполне цензурное. Матросы отзываются довольным гоготом.

Взгляд вправо, влево – ни Казимира, ни Галки.

Оторвались?

– Сём, а теперь куда? – запыхавшаяся Светка вцепилась в рукав. Сёмка машинально отметил, что сегодня его спутница одета подобающе. Галина Топольская поделилась с гостьей длинной, до лодыжек, тёмно-коричневой в крупную складку юбкой – такой же, как та, что была вчера на ней самой.

«Как потом вернуть юбку хозяйке? Тьфу, тоже мне, проблема! Найти бы дорогу домой, а не волноваться о тряпках, которые, к тому же, сгнили сто лет назад...»

– Туда! – Сёмка махнул рукой в сторону от порта. – Ты по сторонам-то смотри – вдруг наша дверь объявится? Если

пропустим, так и будем искать до ночи...

И, забросив на плечо рюкзачок, зашагал по улице.

Ещё три часа они провели в беспорядочных метаниях по городу. Беспорядочных и бесцельных – как ни всматривались в стены домов и узкие переулки, заветная дверь так и не нашлась. Мелькало порой что-то знакомое, но всякий раз это оказывалось пустышкой. Один раз за массивной деревянной дверью оказалась лавку колониальных товаров, и в нос ребятам ударила волна густых одуряющих запахов чая, кофе, благовоний. В другой раз – в китайских кварталах, куда их занесло после скитаний по Старому городу, за подходящей, на первый взгляд, дверью скрывалась прачечная, и Светка как ошпаренная вылетела из тесного, невероятно грязного, заполненного клубами пара помещения. Потом они долго выбирались из лабиринта кривых улочек, где валялись в пыли похрюкивающие свиньи да бродили ободранные псы с поджатыми хвостами и жалкими, заискивающими мордами. Из подворотен тянуло ароматами кунжутного масла, чеснока и пряностей; прямо на улице трудились цирюльники в тёмно-синих робах, с украшенными тугими косицами головами. Хватало и русских, по большей части солдат или матросов; они уверенно прокладывали себе путь через гомонящую толпу китайцев.

И повсюду копошились, визжали, бегали китайчата; юные аборигены, увидав ребят, сначала уставились на них, а потом

хором завопили, взяв гостей в плотное кольцо. Десятки ручонков вцепились в рукава и полы одежды; сквозь гомон на чужом языке то и дело прорывались знакомые слова «Дай!» и «Деньга!»

Перепуганная Светка нашарила в кармане горстку современной российской мелочи и швырнула попрошайкам. Они немедленно кинулись подбирать заветные монетки, завязалась потасовка – те, кому не досталось подачки, принялись мутузить своих удачливых приятелей. Пользуясь тем, что противник временно отвлёкся, ребята бросились бежать. На углу улицы, ведущей, как смутно помнил Сёмка, в Новый город, отдыхали рикши. Он увлёк Светку к повозке – и вот они трясутся на жёсткой скамеечке, а впереди, между двумя тонкими жердинами-оглоблями, мелькают чёрные пятки китайца-возчика.

– Куда ты велел ехать? – спросила Светка, едва переведя дух. – А то я совсем запуталась – не понимаю, где мы!

– На Этажерку, – ответил Сёмка. Это была местная достопримечательность – приморский бульвар в виде ряда спускающихся к морю террас; чахлые, голые в феврале деревца, грунтовые дорожки, разделённые травяными откосами, скамеечки на гнутых железных ножках. Посреди этого парадиза ни к селу ни к городу торчали покосившиеся телеграфные столбы, увенчанные гроздьями фарфоровых изоляторов.

От Галины ребята узнали, что Этажерка служит центром вечерней светской жизни Порт-Артура. Девочка рассказыва-

да, что гимназическое начальство строго-настрого запрещает ученицам посещать Этажерку. Особо возмущало Галину распоряжение городского полицмейстера, согласно которому городовым предписывалось отлавливать юных «нарушительниц». Распоряжение это было отдано по настоянию супруги генерал-губернатора Стесселя, дамы строгих нравов.

Как бы не попасться какому-нибудь ревнителю порядка, запоздало подумал Сёмка. Юбка-то у Светки гимназическая... Но, кажется, Галина говорила, что запрет действует только в вечерние часы, когда Этажерка наполняется фланирующими парочками, офицерами и дамами местного «полусвета». Кстати, надо бы выяснить, что это значит – «полусвет». Видимо, что-то не очень лестное – судя по тому, какую гримасу скорчила Галина...

Порт-Артур оказался совсем маленьким городом – особенно по меркам двадцать первого века. Он теснился между громадой Ляотешаня и полукольцом лесистых сопок. Почти пополам его разрезал Внутренний рейд. С одной стороны раскинулся Старый город – беспорядочное месиво китайских лачуг-фанз и домов. За рейдом, укутанным дымами эскадры, лежал Новый город – европейский, с широкими, правильно расчерченными улицами. Главным его украшением служил дворец наместника Алексеева – вполне петербургское здание с вычурным фасадом и кованой оградой.

Рикша миновал набережную, и коляска поравнялась с большим военным кораблём, стоявшим у пирса. С кораблём

явно было что-то не так – он осел в воду носом, корма заметно задралась. К борту было прилажено громоздкое деревянное сооружение, почти полностью погружённое в воду. На досках, у борта, вяло копошились трое рабочих-китайцев, а над ними, на палубе, прохлаждался матрос. Стоял, лениво опершись на поручень, время от времени сплёвывая за борт. На ленточке бескозырки Сёмка разобрал надпись: «*Рътвизанъ*»; то же самое слово красовалось на высоко задранной корме – огромными золотыми буквами, полукругом, поверх рельефного двуглавого орла с ободранной позолотой. Офицеров поблизости не было.

Мальчик понял, что перед ним один тех броненосцев, которые японцы подорвали ещё в феврале. А эта штука у борта – кессон, для заделки подводных пробоин. Толково придумано – приладить к борту деревянную коробку, открытую сверху, откачать воду – и всё, можно чинить.

И Сёмка потянул из рюкзака планшет – запечатлеть для истории любопытный кадр. Казалось, замени китайцев на таджиков, броненосец на недостроенный торговый центр – и готово, знакомый московский пейзаж. Работают ни шатко ни валко, и качество, можно не сомневаться, соответствующее – халтура, однодневка... Им бы суетиться, бегать как ошпаренным, пахать в три смены – так нет, ползают, как сонные мухи. Вредительство да и только! Интересно, они хоть помнят, что на дворе война?

Рикша встал, да так резко, что Сёмка чуть не вылетел из

коляски головой вперёд. Но гневная тирада застряла у него на языке: поперёк набережной развернулся парадный кортеж. Нарядные лаковые коляски, казаки в лохматых чёрных папахах, верховые офицеры... На мостовую один за другим сходили люди в морской форме. Суетились вестовые; узкая полоса набережной мгновенно заполнилась. Возле пирса обнаружился изящный катерок с лакированной, сверкающей надраенной медью рубкой. Ребята вылезли из коляски и, расплатившись с китайцем, – до Этажерки осталось несколько шагов – влились в толпу зевак.

– Адмирал Макаров, Степан Осипович, – объяснил пожилой, солидный господин в казённой фуражке с двуглавым орлом, сжимающим в когтистых лапах изогнутые рожки. – Из Петербурга, личным распоряжением Государя назначен командовать нашей эскадрой. Говорят, все науки превзошёл, на Северный полюс плавал и ледокол какой-то придумал. А сейчас инспектирует ремонт «Ретвизана». Пора бы уж, сколько можно в гавани отстаиваться, перед Европой стыдно...

Сёмка припомнил уныло копошащихся китайцев-мастеровых и сплёвывающего за борт матроса. Кому-то сегодня точно достанется от начальства. И правильно, и нечего...

– На, держи! Как я подойду к адмиралу – снимай!

Сунув спутнице планшет, мальчик зашарил под клапаном рюкзака.

Глаза у Светки сделались круглыми.

– Это тебе что, знаменитости на ковровой дорожке или Тимоти? – возмущённо прошипела она. – Тут, на секундочку, война, а не тусовка со звёздами!

Один из их одноклассников месяц назад выложил в Фейсбуке фотки – как он берёт автограф у знаменитого рэпера.

– Ну и что? – резонно возразил Сёмка. – Подумаешь – попрошу адмирала расписаться на листочке и всё! А ты снимай, потом будет что показать – это не городской пейзаж, такое на компе не сляпаешь!

В самом деле, ролик, где он, Сёмка, рядом со знаменитым адмиралом, памятник которому уже целый век стоит в Кронштадте, – и это на фоне настоящего броненосца! Да, такое взорвёт Ютуб!

А вот и блокнот. Мальчик выдохнул и, расталкивая зевак, полез вперёд.

– Команда работает сверх человеческих сил, ваше превосходительство! – распинался невысокий, с залысынами и аккуратной бородкой офицер. – Покоя не видим ни днём ни ночью. При прожекторах работают, при ручных лампах. Три раза волна разбивала кессоны, работы приходилось начинать с пустого места. Каждую ночь по рейду шастают японцы – иной раз отбивали до десяти минных атак!

«Ваше превосходительство? Запомним...»

– Поведение команды броненосца, и в особенности господ офицеров, выше всяких ожиданий, – продолжал меж тем «докладчик». – Если позволите, я, как командир, войду в

штаб с представлением о наградах офицерам и нижним чинам.

Макаров недовольно поморщился. Полная энтузиазма филиппика командира «Ретвизана» его, похоже, не вдохновила.

– Вы, Эдуард Николаевич, прежде выведите судно в линию, а там и о наградах поговорим. Ваш «Ретвизан» – один из сильнейших броненосцев эскадры, без него с японцами не справиться.

Адмирал повернулся к коляске. Стоящий рядом с начальством офицер – высокий красавец в безупречно белом мундире, с плеча свисают витые золочёные шнуры, кортик на поясе – предупредительно открыл низенькую дверь экипажа и ловко откинул подножку.

– Да, и объявите нижним чинам – по вводу броненосца в строй всем выдать не в зачёт по полумесячному окладу!

«...Вот, сейчас!..»

– Товарищ адми... простите господин адмирал, ваше превосходительство! – Сёмка нахально оттеснил адъютанта. – Если можно, дайте, пожалуйста, автограф, для школьного музея!

Позади раздалось негодующее шипение. Светка, старательно фиксировавшая происходящее на планшет, не могла не отреагировать на столь вопиющую глупость.

«Товарищ адмирал»? Ну идиот... За языком следи!»

Макаров обернулся. Адъютант, опомнившись, протянул

руку, чтобы схватить наглеца за плечо, но замер, подчиняясь начальственному взору. Сёмка, ощущая, что колени его делаются ватными, протянул адмиралу блокнот с яркой картинкой и листками, скреплёнными красной пластиковой спиралью.

Макаров недоумённо посмотрел на странный предмет. До новоиспечённого охотника за автографами постепенно дошло, что он снова делает что-то не то.

«...Всё, задний ход давать поздно...»

Флотоводец с удивлением воззрился на Сёмку. Монументальная фигура Макарова – адмиральский мундир, сабля, раздвоенная окладистая борода – выглядела до ужаса солидно, если не сказать – пугающе. Лишь в глазах плясали весёлые искорки, да уголки губ, скрытых в густой растительности, едва заметно дрогнули.

– Автограф, значит? А позвольте осведомиться, в каком учебном заведении вы состоите, юноша?

Сёмкино сердце ухнуло вниз, в желудок, и дальше – в ледяную бездну.

«Ну попал...»

– Здесь, в Порт-Артуре мужская и женская казённые гимназии, – неожиданно пришёл на выручку адъютант. – Обе в одном здании, в четырёх кварталах отсюда. Кроме того, реальное училище и Пушкинская школа – при ней курсы для мастеровых порта и Квантунской дистанции. Вы, ваше превосходительство, дали разрешение посещать курсы матро-

сам береговых команд, не занятым по службе.

Сёмка выдохнул. Ноги вдруг сделались ватными.

Интересно, если он сейчас вырубится – его сдадут в больницу или на этот самый «Ретвизан, в лазарет?

– Да-да, спасибо, голубчик, помню, как же! – кивнул адмирал. – Ну-с, молодой человек, давайте вашу тетрадку. Как, простите, вас величать?

– Сёмка... простите... Семён Воскресенский! – ответил мальчик, по-прежнему протягивая блокнот. Макаров обернулся к адъютанту, и тот зашарил в папке.

– Вот ручка госп... э-э-э... Степан Осипович!

«Слава богу, хоть имя-отчество вспомнил, спасибо господину в почтовой фуражке!»

Макаров взял гелевую ручку и недоумённо повертел в пальцах. Сделал на бумаге несколько росчерков, пробуя незнакомое приспособление.

– Забавная вещичка... – пробормотал он, разглядывая ровные чёрные линии. – Что же, в гимназии такими теперь пишут? Поди, англицкая?

На прозрачном корпусе отчётливо выступали рельефные латинские буквы: «Crown».

«Китайская», – чуть не ляпнул Сёмка, но вовремя прикусил язык. Макаров восхищённо почмокал губами и несколько раз расписался. И чуть ниже, на том же листке написал:

«Учащемуся портъ-артурской гимназии Семёну Воскресенскому. Съ пожеланіемъ достойно служить отечеству на

всякомъ избранномъ поприще. Вице-адмъ. Макаровъ»

«...Получилось! А если... чем чёрт не шутит?..»

Сёмка набрал полную грудь воздуха и выпалил, поражаюсь собственному нахальству:

– Ваше превосходительство! Мы с одноклассником собираемся после гимназии поступать в военно-морское училище, а потому очень интересуемся военным флотом. Может, вы позволите посетить один из кораблей вверенной вам эскадры?

«... И откуда выскочил этот оборот? «Вверенной вам...»

– В Морской Корпус хотите? – закивал адмирал. – Похвально, похвально. России нужны знающие и храбрые моряки. Хотя это и нелегко, должен вас предупредить. Прилежно изучайте математику и физику юноша, сейчас флот держится на машинах, гальванике и точных науках!

Сёмка слушал, всем видом выражая почтение. Адмирал пожевал губами и добавил:

– Что до кораблей... не положено, конечно, во время военной кампании. Ну да не беда, сделаем исключение – раз уж вы выказали такую решимость! Лейтенант...

Красивый адъютант ловко подсунул Макарову папку с листком бумаги и карандаш. Несколькими росчерками Макаров набросал записку, с соизволением «гимназисту Семёну Воскресенскому въ сопровожденіи одного лица того же возраста, что указанный гимназистъ, постытить съ цѣлями образованія военный корабль Россійскаго Императорска-

го флота изъ состава Тихоокеанской эскадры». Адъютант пришлёпнул пропуск печатью – и откуда только успел её извлечь?

Ошеломлённый неожиданной удачей, Сёмка только кивнул. Принял из рук адмирала бумагу, старательно сложил, засунул в нагрудный карман. И, подчиняясь внезапному порыву, протянул Макарову ручку:

– Прошу, Степан Осипович! На память!

Адмирал усмехнулся – борода, и без того раздвоенная, расплзлась в стороны. Положительно, нахальный мальчишка ему нравился! Адъютант смотрел на Сёмку, как на помещанного, по адмиральской свите прошелестел недоумённый шепоток. В толпе зевак повисло гробовое молчание.

Макаров наконец взял презент и, не глядя, сунул носителю аксельбанта. Тот послушно принял. Адмирал сделал лёгкий жест двумя пальцами – адъютант почтительно склонился к начальству, выслушал – и рысцой двинулся к пришвартованному неподалёку катеру. Сёмка не успел понять, что задумал адмирал, а адъютант уже торопился назад. В руке он держал матросскую бескозырку с чёрной атласной лентой, украшенной золотой старославянской вязью.

– А это вам, молодой человек, – Макаров протянул бескозырку Сёмке. В глазах адмирала снова плясали чёртики. – На память.

И добавил, садясь в коляску:

– Как соберётесь – прошу в гости. Обратитесь к любому

матросу или офицеру – вам укажут, на каком корабле я держу флаг. Покажете записку на шлюпке, и вас проводят. Жду в гости, юноша!

Адмиральский кортеж покати́л к Этажерке. Сёмка повертел в руках адмиральский подарок – на муаровой ленте, опоясывающей бескозырку, знакомая вязь: «Петропавловскъ». Сам не зная зачем, мальчик перевернул головной убор и заглянул внутрь. На белом ярлычке, аккуратно пришитом к вытертой подкладке, старательно, печатными буквами выведено: «Ивань Задрыга». Буквы синие – химический карандаш? Мама рассказывала про такие – грифель надо было слюнявить, отчего язык становится фиолетовым...

Сёмка растерялся: точно, фуражка их знакомого! Боцман-мат с флагманского броненосца, первый, с кем ребята заговорили, придя в себя на пирсе порт-артурской гавани! То-то надпись показалась знакомой – мальчик видел её как раз на бескозырке бравого унтера. Вот на этой самой!

«...И бывают в жизни совпадения...»

VII

Чань Ли, торговец рисовыми колобками, нерешительно мялся на пороге. Войти не решался, ждал, когда позовут. Чань Ли, как любой из китайцев, живущих в Люйшуне, помнил своё место.

Кто не знает дядюшку Ляо? Его слово – закон; старейшины всех китайских кварталов уважают дядюшку Ляо. Любому известно, что старик может рассудить всякий спор, да так, что все спорщики останутся довольны. Поможет попавшему в сложное положение соплеменнику, найдёт ответ на самый заковыристый вопрос. А его, Чань Ли, дело – проявлять почтительность и слушать; недаром дядюшка Ляо проживает в Люйшуне больше шести десятилетий.

Люйшунь – так называли город, основанный в царствование императора Чжу Ди, семьсот лет назад, в начале правления династии Мин. Будущий император, возглавлявший тогда оборону северо-восточных границ Поднебесной, направил в эти края двоих посланников. Путь оказался спокоен и удобен – *люйту шуньли*, а добравшись до цели, посланники обнаружили меж сопок удобную гавань. Как полагается, послали обстоятельный доклад повелителю Чжу Ди, и по его приказу местность эта была названа Люйшуньюкоу – «бухта спокойствия».

Двадцать с лишним лет назад Бэйян дачэнь Ли Хунчжан

повелел строить в удобном заливе Люйшунь порт для военных судов. Повеление было выполнено, и четыре года спустя в городе разместился отряд стрелков, чтобы охранять владения императора от хищников-французов. Командир китайского военного корабля «Вэйюань», доблестный офицер Фан Боцянь, возвёл на берегу земляную батарею. Она получила название «Вэйюань Паотай». Так Люйшунь стал крепостью. Позже немецкие инженеры усилили её оборону; одновременно их коллеги под руководством надменного баварца майора фон Ганнекена (тётка супруги Чань Ли служила в его доме кухаркой) возвели два дока – большой, для ремонта броненосцев, и малый, для москитного флота. Землечерпалки сутки напролёт исходили паром, вычерпывая со дна бухты чёрный ил – Люйшунь превращался в базу Бэйянского флота империи Цин.

А десять лет назад началась война. Защитник Люйшуня, генерал Цзян Гуйти, дезертировал; захватчики, злобные людишки из страны Ниппон, захватили город и вырезали двадцать тысяч жителей. Потом другие варвары, пришедшие с запада и с севера, вынудили ниппонцев уйти. Эти варвары дали городу новое название – «Порт-Артур», в честь никому в Китае не известного английского лейтенанта Уильяма Артура, чей корабль чинился здесь сорок три года назад. Нынешние хозяева Люйшуня, русские, пришельцы из страшных северных земель, тоже использовали это название. Как будто «Люйшунь» звучит хуже!

И всегда был здесь дядюшка Ляо, к которому жители квартала шли за советом и справедливостью.

Большой он человек, дядюшка Ляо. У такого можно и на пороге постоять. Чань Ли тоже не побродяжка – его знает весь квартал, семья Чань Ли обитает в Люйшуне уже не одно поколение. Его отец, и дед, и отец деда торговали пирожками из рисовой муки на этих кривых улочках. Чань Ли помнил резню, устроенную десять лет назад захватчиками, – он, совсем ребёнок, сумел тогда спастись, спрятавшись в груди навоза возле дома дедушки Вана. А дедушка погиб – ниппонский палач отрубил ему голову изогнутым, бритвенно-острым мечом. Как и остальным жителям квартала – тем, кто не сумел или не догадался вовремя покинуть Люйшунь. Маленький Чань Ли выбирался по ночам из смрадного убежища и своими глазами видел некоторых из трёх дюжин бедолаг, на чью долю выпало хоронить тела казнённых.

Будущий разносчик рисовых колобков прятался в навозе целый месяц – и весь этот месяц тридцать шесть невольников таскали трупы; потом ниппонцы велели облить груды тел маслом и поджечь. Огонь пылал десять дней, а пепел и обгоревшие кости пришлось хоронить в четырёх огромных гробах у подножия горы Байюйшань.

Дядюшка Ляо был в числе этих трёх дюжин. Старик не захотел покидать обречённый город, оставшись с теми, кто привык полагаться на его мудрость и справедливость. Да, дядюшка Ляо дурного не посоветует. Слушать надо. В квартале

говорят, что старик знает десять тысяч иероглифов – как пи-сец губернатора провинции! Сосед Чань Ли, Сынь Гуай, со-ставляющий за медную монету письма и жалобы для негра-мотных соотечественников, знает куда меньше иероглифов, всего-навсего две тысячи. И неудивительно – уличному пис-цу Сынь Гуаю далеко до дядюшки Ляо!

Скрипнули циновки. В проёме двери неслышно возникла согбенная фигура. Дядюшка Ляо семенил, опираясь на тол-стую лакированную трость работы бейджинских мастеров. Этой трости, как слышал однажды Чань Ли, больше трёхсот лет, и в ней скрыт гибкий, тонкий, как полоса рисовой бума-ги, и острый, как ниппонский меч, клинок. Но об этом раз-носчик рисовых колобков не думал – не его ума дело. Вся-кий должен знать своё место, и только тогда можно жить в мире и спокойствии.

– Разносчик Чань Ли? – голос хозяина дома был сух и рас-сыпчат, как песок на морском берегу. – Проходи, присаживайся.

Чань Ли благодарно склонился, сложив руки перед лицом, и замер. В дом не вошёл – приглашение было лишь знаком вежливости, не более. Чань Ли знал своё место.

– С чем ты пришёл, разносчик Чань Ли? – песчинки снова просыпались на циновки пола.

Чань Ли, не разгибаясь, протянул дядюшке Ляо неболь-шую тёмно-жёлтую монету. Золото? Нет, это дядюшка Ляо понял сразу – догадался разносчик. Конечно, лицо старика

ничего не отразило, но вот лёгкий наклон головы... Не золото, что и говорить...

– Вот, это мне дал вчера вечером торговец рыбой Ван Люй. Он заплатил за рисовые колобки, заказанные на день рождения жены. Мы всю ночь готовили, не спали, но успели в срок. Вы же знаете, дядюшка Ляо, у меня самые вкусные рисовые колобки во всём нашем квартале!

Дядюшка Ляо кивнул.

– Рыбник Ван Люй заплатил русскими деньгами – тридцать семь копеек, как и договаривались. Но среди монет оказалась вот эта. Я не заметил, потому что давно знаю Ван Люя – он честный человек и никогда не платил негодной монетой.

– Почему ты считаешь эту монету негодной? – прошеле-стели песчинки.

– Я не считаю! – замотал головой Чань Ли. – Кто я такой, чтобы считать? Я всего лишь пеку рисовые колобки, а на свете так много разных монет!

Дядюшка Ляо снова кивнул. Воодушевлённый, разносчик продолжил:

– Дома я пригляделся повнимательнее и увидел, что надпись на монете какая-то странная. Вот смотрите, уважаемый Ляо, – и он выложил на ладонь другую монетку. Неровная, тёмно-медного цвета, с кромками, неравномерно сточенными от долгого употребления. Надпись гласила: *1/2 копѣйки*. Ниже цифры – «1870» – и мелкие, стёртые сотнями пальцев буквы. Разносчик подождал, затем перевернул полушку.

Императорская корона, а под ней – замысловатый вензель «А II».

– Видите, дядюшка Ляо? А монета рыбника совсем другая – и вензель не такой, и знаки! А без неё в плате, которую отдал мне Ван Люй, недостаёт целого алтына! Три копейки – немалые деньги для такого бедняка, как я!

Снова кивок.

– Вот посмотрите, как стёрта эта полушка! А эта монета совсем целая, а ведь в Люйшуне новые русские монеты – редкость! Если я попрошу Ван Люя заменить эту монету, он может на меня обидеться. А кому нужны ссоры с соседями? У Ван Люя покупают рыбу солдаты с батареи на Золотой горе и платят русской медью – так может, он и сам обманулся? Я маленький человек, откуда мне знать, что за монеты чеканят слуги русского царя? Вот я и решил показать её вам. Посоветуйте, принять или всё-таки пойти к Ван Люю и попросить замену? Если я скажу, что следую вашему совету, он не затаит на меня злобы. Вы всегда говорили, что мир между соседями ценнее любой выгоды...

Пауза – и снова посыпался песок:

– Ты хорошо сделал, что принёс монету мне. Тебе дадут за неё не один алтын, а алтын и ещё две копейки – чтобы ты запомнил, как важно и впредь поступать осмотрительно. Иди, разносчик Чань Ли, и живи в мире со своим соседом-рыбником – он не желал тебя обманывать. Монету же я заберу. Это будет разумно. Ты доволен, разносчик Чань Ли?

Гость с готовностью закивал. Мальчик лет десяти неслышно возник из-за спины дядюшки Ляо и протянул визитёру три медные монетки. Чань Ли схватил их и попятился, мелко кланаясь. Песок больше не шелестел, хозяин дома так же неслышно растворился. И как это он ухитряется ходить с тростью совершенно бесшумно?

Что ж, «меньше знаешь – крепче спишь», как сказал однажды один знакомый Чань Ли русский варвар.

Чань Ли остался доволен. Он уйдёт от дядюшки Ляо обогащённым истинно конфуцианской справедливостью, на которой уже многие тысячелетия зиждется Поднебесная. Да, только так: с самых низов, из трущоб, – и до дворцов Запретного города!

Что будет дальше с загадочной монеткой, он не задумывался. Какое дело разносчику до того, что металлический кружочек достоинством в десять рублей и цифрами «2014» осядет в шкатулке у дядюшки Ляо, чтобы когда-нибудь, при случае, быть извлечённым, приобщённым и *обдуманым*... когда придёт время.

Но дело ещё не было закончено: скоро торговца Ван Люя навестят два дальних родственника дядюшки Ляо. И рыбак, конечно, не станет скрывать от таких важных людей, что получил монетку от своего племянника семи лет от роду. Ван Люй взял ребёнка из милости, после того как его деревню сожгли разбойники-хунхузы. Мальчуган старательно помогает благодетелю, порой пополняя семейную казну

несколькими медяками, добытыми на улице.

Родичи дядюшки Ляо навелят и шайку ребятишек, к которой прибился племянник Ван Люя, – и те в свою очередь расскажут о русских подростках, облагодетельствовавших юных попрошаек горстью необычных монет. Тем временем сам дядюшка Ляо встретится за чайником молочного улуна с господином Минем, самым известным менялой Люйшуня, и тот лишь добавит сомнений, заявив, что никогда не видал таких монет. После чего рассказ о расследовании, записанный на полоске рисовой бумаги, вместе с двумя такими же монетками присоединится к первой в шкатулке дядюшки Ляо. Пусть себе лежат – мало ли когда пригодятся...

Мудрый он, дядюшка Ляо. И, конечно, он не расскажет об этом никому – ни ниппонским, ни русским варварам. Скрыть, спрятать и неторопливо обдумать – но это ещё не скоро, не скоро. У дядюшки Ляо хватает забот.

Что тут скажешь? Китай...

VIII

– Ну и зачем тебе это понадобилось? – осведомилась Светлана. – Не можешь без идиотских выходов?

Вопрос был риторическим, и задан он был уже не в первый раз. Сёмка промолчал, остро переживая свою вину, – лишь втянул голову в плечи и зашагал быстрее. «... Сбежать от неё, что ли? Достала...»

День клонился к закату. Этажерка заполнялась фланирующими парочками; вечерний прилив ещё не начался, вода отступила от береговой линии, обнажив дно. Корабли лениво дымили, выстроившись рядами вдоль Тигровки, до самого выхода на внешний рейд. Сколько же времени прошло? А завтракали они... когда?

– Что-то мне есть захотелось. – Светка будто угадала его мысли. – Жаль, тут «Макдональдса» нет, верно? Сейчас бы по бигмаку и деревенской картошечке... – Ага, и по большой коле!

Сёмка вспомнил ароматы кунжутного масла, тухлой рыбы и прогорклого жира – запахи китайских кварталов. Интересно, а где в этом городишке обедают русские?

Подходящее заведение скоро нашлось – кофейня, через площадь от длинного здания с чугунной оградой. Слева от входа вывеска: «*Портъ-Артурская женская гимназія*». Сёмка поспешно увлѣк спутницу прочь – не хватало ещё на-

толкнуться на Галину!

Фасад дома на углу площади, был повреждён; перед зданием возились четверо китайцев, наваливая на тележку битый кирпич. Часть мостовой отгораживал низкий барьер; около него прохаживался туда-сюда стрелок с винтовкой за плечом. Тонкий штык колыхался над папахой в такт шагам – раз-два.... Ребята переглянулись и несмело приблизились.

За перекрещенными горбылями, среди битого булыжника и вывороченной земли торчало нечто чёрное, цилиндрическое. Сёмка пригляделся – и невольно попятился. – Что это, дяденька солдат? – робко поинтересовалась Светлана.

– Бонба с японского броненосца, барышня, – охотно пояснил стрелок. – Вчера днём как зачали косорылые палить – сюды, значить, и прилетело! Вона какая здоровая, с хорошего поросёнка! Большая, видать, в ей сила, да Господь уберёт, не разорвалась, окаянная!

Вот он – калибр двенадцать дюймов! Сёмка проследил взглядом траекторию, по которой мог прилететь снаряд. Скользя с неба по пологой дуге, он снёс часть верхнего этажа, и, продолжив полёт, уткнулся сюда. Но – не сработал взрыватель, а то и это здание, и соседние могли бы не устоять.

Сёмка поёжился, вспомнив столбы взрывов над крышами пакгаузов. И ещё кадры старой кинохроники: заваленные сугробами улицы, высокие дома с окнами, перечёркнутыми косыми бумажными крестами. По сугробам пробира-

ются сгорбленные, закутанные в платки женщины, тянут за собой санки с вёдрами. Стена дома вдруг рушится – неестественно медленно, в клубах пыли, накрывая лавиной битого кирпича и сугробы, и санки, и людей. . .

И – неприметная надпись на стене, которую он видел совсем недавно – давно, на экскурсии:

*ПРИ АРТОБСТРЕЛЕ ЭТА СТОРОНА
УЛИЦЫ НАИБОЛЕЕ ОПАСНА.*

Ниже – пожухлые гвоздики и алюминиевые ванночки от догоревших свечей.

Вот оно, значит, как. . .

Еда оказалась вполне приличной – пироги с луком и рисом, что-то вроде котлет и по глубокой тарелке густых щей. Разбитной малый, подававший заказ (не китаец, самый что ни на есть русский!), лишь усмехнулся в усы и отправился за бутылкой загадочной «сельтерской» – её он предложил в качестве замены пиву, которое Светка с возмущением отвергла. Сёмка настаивать не стал, хотя и считал, что возраст позволяет ему некоторые вольности.

Одолеть всё принесённое оказалось делом непростым – похоже, порции были рассчитаны на пузатых великанов, три недели державших голодовку. Разлив по высоким стаканам «сельтерскую» (обычная минералка, только подавали её в керамических, терракотового цвета бутылках с круглым штампом и готическими буквами на этикетке), ребята взялись за сахарные коржики. Жизнь определённо налажива-

лась, и Светка подобрела настолько, что перестала шпынять Сёмку за выходку с адмиралом. Мальчик закинул ногу на ногу и сидел, слегка развалившись на стуле. Как странно – они в осаждённом городе, но – и столик со скатертью, и сахарные коржики с лимонадом, и никакого голода... С Этажерки доносятся вздохи полкового оркестра; дамы с офицерами, проезжающие в колясках, веселы и беззаботны. Будто не падали на город двенадцатидюймовые «чемоданы», будто не вставали над крышами дымные столбы разрывов!

– А знаешь, Галка тоже журнал ведёт! – оказывается, Светка давно что-то захлёб рассказывала. – Не ЖеЖе, конечно, обычный бумажный, тетрадка такая. И даже картинки есть – вырезает из газет и наклеивает. Она мне показывала, когда мы собирались спать, – я пару страничек сфоткала незаметно на телефон. Вот, смотри!

Сёмка послушно взял «Самсунг». А почерк у гимназистки отменный, ему так нипочём не суметь...

«Въ одинъ изъ первыхъ дней войны папа предложилъ мамъ вернуться въ Екатеринославъ, но мама рѣшительно отказалась. Папа настаивалъ, говоря, что ради дѣтей мама должна уѣхать и не рисковать нашими жизнями. Тогда мама сказала: «Чему быть, того не миновать. И какая ужъ у насъ будетъ жизнь безъ тебя?.. А если ужъ умирать, то умремъ вмѣстѣ. А можетъ быть, Господь и сохранитъ насъ всѣхъ. Да и не доѣхать мнѣ одной въ такое время, съ такими малышами, какъ Ларочка и Лёля. И можетъ быть,

я здесь смогу быть полезной и нужной не только тебе, но и другим».

– Я так удивилась, когда узнала, что Галке всего двенадцать лет! – продолжала Светлана. – С виду – наша ровесница, и говорит, как взрослая. А сама совсем маленькая, у нас в шестом классе училась бы!

– Да, прикольно, – согласился Сёмка. – Интересно, этот дневник там, у нас, можно найти? Узнали бы, что потом будет с Галиной.

И осёкся – Светкины глаза набухли слезами.

– Сём... Ты правда веришь, что мы вернёмся? Целый день ищем эту дверь, и ничего...

– Конечно вернёмся! – преувеличенно бодро заявил он. Сейчас главное – чтобы Светка поверила, а там видно будет... – Куда мы денемся? Ключ-то у нас. А раз есть ключ, значит, и дверь должна быть!

– Должна, да... – вздохнула девочка. Она справилась с собой и теперь вытирала глаза уголком салфетки. – А вдруг её вовсе нету? В школе – да, была дверь, а здесь-то мы вышли прямо на набережную – как на той фотографии!

Сёмка резко выпрямился.

– Повтори, что ты сказала!

– Что? Я говорю, может, и двери-то никакой не будет, просто место, куда надо шагнуть. Круг на земле или.....

– Нет, не то. Что ты сказала про фотографию?

– Да на той фотографии, возле кабинета был тот самый

причал, где мы оказались, помнишь? А дверь была рядом с ним.

– Точно! – Сёмка хлопнул себя по лбу – так, что барышня, сидевшая через два столика от них, вздрогнула и оглянулась на шумных соседей. – То-то мне показалось, что я где-то всё это уже видел!

– И что? Ну видел и видел – какая разница?

– А такая! – Сёмка разозлился на бестолковую собеседницу. – Дверь появилась рядом с фотографией, на которой изображены гавань и пирс. Мы вошли в эту дверь – и оказались на этом самом пирсе!

– Так ты думаешь...

– Да! Нам надо найти где-нибудь фотографию или картину с видом Москвы – возле неё наверняка и есть дверь!

– То есть, *может быть*, отыщется, – добавил он, увидев, как Светка скептически поджала губы. – Что мы, в конце концов, теряем? И так целый день впустую пробегали по городу – сколько можно? Вечер уже! Что нам, идти к Топольским? «Пустите нас пожалуйста, мы больше не сбежим...»

Светка хихикнула, стрельнув глазами из-под ресниц. Сёмка хмыкнул в ответ.

Послеобеденная расслабленность пропала без следа. Стулья стали вдруг жёсткими, веранда – неудобной, открытой всем сквознякам. Официант, проходя мимо, покосился на ребят, и Сёмке вдруг остро захотелось спрятаться – хотя бы под стол. А вдруг их уже ищут по наводке Галкиного папа-

ши?

Всё, пора брать себя в руки...

– Так, – решительно заявил он. – Фотография – это идея, будем искать. Но где? Мы же в дома не заходили, только к Топольским, в это кафе да ещё в пару лавочек. А видов Москвы я там что-то не заметил....

Светка пожала плечами: Сёмка был прав.

– Не залезать же во все дома подряд верно? Но у нас, к счастью, есть подсказка....

– Подсказка? Какая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.